

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Предисловие к немецким и русским литературным
произведениям как тип текста в сопоставительном аспекте

Выпускная квалификационная работа
соискателя на степень бакалавра
Панченко Марии Олеговны
Направление: 45.03.02 Лингвистика

Научный руководитель:

К.ф.н., доцент **Григорьева Любовь Николаевна**

Рецензент:

К.ф.н., доцент **Новожилова Ксения Ростиславовна**

Санкт-Петербург

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Предисловие к литературным произведениям как тип текста	5
Раздел 1. О типологизации текстов и единицах текстотипологического анализа	5 10
Раздел 2. Анализ литературного предисловия как типа текста	17
Раздел 3. Анализ функций литературного предисловия	39
Выводы по 1-й главе	
ГЛАВА 2. Коммуникативно-смысловая организация немецких и русских предисловий к литературному тексту	40
Раздел 1. Анализ коммуникативно-смысловых блоков текстотипа литературного предисловия	40
Раздел 2. Вариативность текстотипологической модели литературного предисловия в ее немецко- и русскоязычном вариантах	90 93
Выводы по 2-й главе	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	95
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	98
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	103

ВВЕДЕНИЕ

Литературное предисловие, согласно дефиниции этого типа паратекста, «выступает как значимая часть художественного произведения, представляющая авторскую концепцию мира и художественного творчества декларативно-разъяснительным способом или собственно эстетическим, основанным, в первую очередь, на приеме стилизации «чужого» сознания и «чужой» речи» [Лазареску 2007: 4].

Настоящая работа посвящена исследованию специфики предисловия к литературным произведениям как особого типа текста. **Цель** данной работы состоит в том, чтобы выявить специфику литературных предисловий на материале произведений немецких и русских романтиков конца XVIII–первой трети XIX вв. Указанная цель предполагает выполнение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть критерии и методы типологизации текстов, чтобы определить принципы анализа текста литературного предисловия как особого типа текста;
- 2) охарактеризовать текстовые функции текстотипа литературного предисловия;
- 3) исследовать особенности его семантической структуры; выделить и описать ее основные компоненты – композиционно-смысловые блоки;
- 4) описать маркеры, характерные для каждого из композиционно-смысловых блоков;
- 5) выполнить сопоставительный анализ немецко- и русскоязычного вариантов текстотипа литературных предисловий;
- 6) исследовать вариативность текстотипологической модели литературного предисловия в ее немецко- и русскоязычных вариантах.

Материалом для сопоставительного текстотипологического анализа послужили авторские предисловия к изданиям произведений немецких и русских романтиков, созданных в конце XVIII–первой трети XIX в. Точнее, так датируются сочинения немецких авторов; произведения русских романтиков относятся к более узкому временному промежутку – 20-х–30-х гг. XIX в. Объясняется это тем, что в русской литературе первые романтические повести появились лишь в начале 20-х гг. XIX в., с

отставанием более чем на четверть века от немецких. Но все они были созданы в одну литературную эпоху романтизма, что дает возможность для их сопоставления. Сам выбор текстов этого периода объясняется высокой степенью рефлексивности, свойственной эпохе романтизма, что отразилось в предисловиях к сочинениям немецких и русских романтиков.

Всего нами было привлечено для исследования 74 авторских предисловия к первым изданиям немецких и русских авторов, или согласно немецкой терминологии «*auktoriale originale Vorworte*». Разнообразие источников, использованных в качестве материала исследования, позволили выявить специфику этого типа текста и построить его текстопотипологическую модель.

Теоретическую основу настоящей работы составляют труды К. Бринкера, Ж. Женетта, И. Р. Гальперина, М. Н. Кожинной, Е. А. Баженовой, Е. М. Крижановской и других представителей Пермской научной школы, С. Т. Нефедова, В. Е. Чернявской и др. в области лингвистики текста.

Научная **новизна** исследования заключается в том, что литературное предисловие рассматривается в ней с функциональной точки зрения как один из «паратекстов», по терминологии Жерара Женетта (т. е. вспомогательных текстов, обслуживающих основной текст). **Актуальность работы** состоит в том, что в ней впервые предпринимается попытка анализа типа текста «литературного предисловия», который до сих пор остается неисследованным. Несмотря на то, что в последние годы появился целый ряд работ, посвященных описанию текстотипа «предисловия к научным текстам» [Нефедов 2013; Вороновская 2014; Григорьева 2016; Паномарева 2016], тип текста «литературного предисловия» все еще ожидает всестороннего исследования.

Объем и структура работы: исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников, послуживших материалом исследования, и списка использованной литературы. В 1-м разделе 1-й главы будет рассмотрен вопрос о типологии текстов в современной лингвистике, о критериях типологизации, а также о методах членения семантической структуры текста и основных единицах анализа – коммуникативно-смысловых блоках. Во 2-м разделе 1-й главы представлена общая характеристика истории изучения типа текста «предисловия» в современной науке. В 3-м разделе 1-й главы дан анализ функций литературного предисловия, выделенных в исследованиях Ж. Женетта и О. Г. Лазареску. Вторая глава посвящена описанию

семантической структуры и языковых особенностей текстотипа литературного предисловия. Во 2-м разделе этой главы представлен сопоставительный анализ немецкой и русскоязычной версий текстотипологической модели литературного предисловия и дана характеристика особенностей ее варьирования.

ГЛАВА 1. ПРЕДИСЛОВИЕ К ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ КАК ТИП ТЕКСТА

Раздел 1. О типологизации текстов и единицах текстотипологического анализа.

Предметом нашего исследования являются литературные предисловия к художественным произведениям немецкой и русской литературы эпохи романтизма в их сопоставительном аспекте. Прежде чем представить свои наблюдения и выводы, к которым мы пришли в ходе нашего текстотипологического анализа литературных предисловий, обратимся к определению их более общего родового понятия – понятия **«тип текста»**.

Классическое понятие типа текста дано Клаусом Брикером: «Textsorten sind konventionell geltende Muster für komplexe sprachliche Handlungen und lassen sich als jeweils typische Verbindungen von kontextuellen (situativen), kommunikativ-funktionalen und strukturellen (grammatischen und thematischen) Merkmalen beschreiben. Sie haben sich in der Sprachgemeinschaft historisch entwickelt und gehören zum Alltagswissen der Sprachteilhaber: sie besitzen zwar normierende Wirkung, erleichtern aber zugleich den kommunikativen Umgang, indem sie den Kommunizierenden mehr oder weniger feste Orientierungen für die Produktion und Rezeption von Texten geben» [Brinker 1992: 144].

В свою очередь В. Е. Чернявская уточняет, что под типом текста «понимается особая модель, образец, схема построения и восприятия аналогичных текстов (Textbildungsmuster, Textschemata, Textentfaktungsmuster) или «структурный прототип» (struktureller Prototyp), по образцу которого могут создаваться другие тексты с различным содержательным наполнением. Как нормирующий образец тип текста характеризуется набором обязательных текстообразующих признаков и предполагает их

регулярную повторяемость при текстопроизводстве – в этом смысле тип текста тождествен понятию инвариантной модели» [Чернявская 2006: 31].

К. А. Филиппов дает понятию «типа текста» более общее определение – как «формы текста, в которой реализуются коммуникативные намерения говорящего и которая строится по определенным правилам и нормам» [Филиппов 2003: 189–190]. С. Т. Нефедов характеризует его с точки зрения семантической структуры, говоря, что текстотипы представляют собой «общие модели, устойчивые схемы порождения и восприятия некоторой совокупности текстовых экземпляров с вариативным содержанием» [Нефедов 2013: 197].

Как указывает В. Е. Чернявская, существуют определенные различия в немецкой и русской традициях типологизации текстов. Немецкую традицию она определяет как «путь снизу вверх», от эмпирического наблюдения за конкретными типами текстов (Textsorten) к их систематизации и классификации, а русскую традицию – как «путь сверху вниз»: от функциональных стилей, связанных с различными сферами коммуникации, к изучению конкретных речевых форм [Чернявская 2006: 31]. В зарубежной традиции понятие *тип текста* используется для обозначения «конвенционального образца организации текста с определенными структурными и функциональными признаками, который имеет «дотеоретическое происхождение» и соотнесен изначально с эмпирическими, конкретно наблюдаемыми различиями устных и письменных текстов» [Чернявская 2006: 32].

При этом в качестве теоретического обоснования текстуальности предлагаются различные лингвистические и экстралингвистические критерии. Лингвистические критерии предполагают выявление регулярных для данного типа текста языковых особенностей разных уровней (лексических, грамматических, стилистических), а также форм тематического развертывания (Themenentfaltung). Согласно К. Бринкеру, каждому типу текста присущ свой специфический способ реализации основных форм тематического развертывания: нарратив (Bericht) дескрипция (Beschreibung), рассуждение (Erörterung) и т.п. [Brinker 1992: 139–140].

Среди экстралингвистических критериев первостепенное значение имеет коммуникативно-функциональный аспект, который предполагает выявление смысловой структуры текста в процессе коммуникации между отправителем и получателем; а также иллокутивный и пропозициональный аспекты, изучающие соответственно *текстовую функцию* текста и его *тематическое содержание* [Brinker 1992: 137–140; Чернявская,

2006: 37]. «На долю текстовой функции, по мнению Клауса Бринкера, приходится доминирующая роль, поскольку именно она определяет модус коммуникации» [Brinker 1992: 131]).

В отечественной лингвистике большое внимание типологии текстов уделит И. Р. Гальперин. В качестве одного из критериев типологии текстов он предложил характер передаваемой ими информации (концептуальной, фактуальной или подтекстовой) [Гальперин 2006: 26–50]. Кроме того, занимаясь проблемой членимости текста, И. Р. Гальперин изложил два способа его членения: 1) объемно-прагматический, ориентированный на композиционную организацию текста (часть, глава, абзац, сверхфразовое единство), и 2) контекстно-вариативный, реализующийся в различных формах речетворческих актов (повествование, описание, рассуждение) [Гальперин 2006: 50–73].

Исследование типологии текстов находится в сфере научных интересов и целого ряда других отечественных лингвистов. Традиционно оно базируется на методе изучения функциональных стилей в коммуникативно-прагматическом аспекте. Особая роль в этом принадлежит Пермской научной школе функциональной стилистики (или «научной школы М. Н. Кожинной») [Штайн 2004; Баженова, Котюрова 2016], а также идейно близкой к этой школе профессору Т. В. Матвеевой из Екатеринбурга [Матвеева 1990]. Представители Пермской школы используют собственный аналог понятия «тип текста» – **«речевой жанр»** (термин заимствован из работ М. М. Бахтина), но суть его от этого не меняется. Понятием «речевой жанр» они обозначают исторически сложившийся «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов)» – «от однословной бытовой реплики до больших произведений науки и литературы» [Салимовский 2006: 352]. Речевые жанры, согласно концепции Пермской школы, «допускают разную степень свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, а также в выборе и использовании языковых средств». В частности, «различаются: 1) тексты, которые строятся в соответствии с более или менее жесткими, но всегда обязательными информативными моделями (например, кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша); 2) тексты, содержание которых строится по узואальным информативным моделям, т.е. моделям, носящим довольно общий характер (газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение); 3) тексты нерегламентированные, содержание которых не подлежит никакой строгой заданности со

стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений)» [Салимовский 2006: 353].

Последняя мысль, высказанная В. А. Салимовским, чрезвычайно важна, в том числе, и для данной работы, поскольку отражает главную особенность не только литературного текста, но и предисловия к нему. Эта особенность заключается в свободе текстотипологической модели предисловия к литературному тексту от какой-либо регламентированности – как со стороны речевого жанра, так и со стороны акта коммуникации «автор–читатель».

«Свобода от заданности» в построении семантической структуры текста – это как раз то, что отличает «речевой жанр» литературного предисловия от предисловия к научному тексту (при том, что «строевые элементы» – коммуникативные блоки – у них во многом сходны).

Понятие **«коммуникативного блока»** также было впервые предложено в работах представителей Пермской школы. М. П. Котюрова и ее ученица Е. М. Крижановская разработали метод «композиционно-прагматического» членения научного текста с помощью компонентов двух видов – коммуникативных блоков и прагматических установок [Котюрова, Крижановская 1993]. Впоследствии эти идеи были развиты Е. М. Крижановской в ее кандидатской диссертации [Крижановская 1996; Крижановская 2000].

Согласно ее концепции, в процессе порождения текста происходит взаимодействие между собой двух уровней смысловой структуры текста – коммуникативно-информационного и прагматического. Общей единицей обоих уровней является коммуникативный блок (далее – К-блок), включающий в себя прагматическую установку автора создаваемого текста. Таким образом, в процессе создания речевого произведения, согласно гипотезе Е. М. Крижановской, автор «закладывает» в текст не только определенное *тематическое* содержание, но и определенную программу *воздействия на читателя* (описываемую как прагматическое содержание текста) [Крижановская 2000].

Идею о единстве тематического и прагматического содержания Е. М. Крижановская включила и в само определение понятия «Кблок»: «Коммуникативный блок – это текстовая функционально-смысловая единица, представляющая собой результат языковой

материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий (смыслов), функционирующая в качестве структурного элемента содержания и характеризующаяся коммуникативной направленностью на выражение актуальной для автора и читателя информации» [Крижановская 2006: 163–164].

По мнению Е. М. Крижановской, главным критерием деления текста на структурные единицы, названные ею К-блоками, является соответствие между ними и реализуемыми ими функциями в структуре целого текста. При этом главные функции Кблока, по ее мнению, связаны с участием их в формировании семантической структуры целого текста и его семантическим разворачиванием [Крижановская 2006: 165–166].

По наблюдению Е. М. Крижановской, Кблоки характеризуются «регулярной частотой встречаемости» и занимают в смысловой структуре целого текста фиксированное положение. Но при этом у них отсутствуют четко очерченные границы, поскольку они определяются авторским замыслом (целеустановкой создателя текста). Исследовательница повторяет ту же мысль, что и В. А. Салимовский, подчеркивая, что Кблокам свойственна *вариантность текстового оформления*, так как они строятся не по жестким моделям. Величина Кблока колеблется в тексте в среднем от одного до нескольких предложений. [Крижановская 2006: 164–167].

Отмечая, что К-блок был выявлен ею в качестве функционально-смысловой единицы «в результате анализа научного текста», Е. А. Крижановская указывает, что понятие К-блока может быть применено «и для анализа произведений других функциональных стилей». Говоря о многообразии текстовых единиц этого типа, она утверждает, что их ряд «является принципиально открытым» [Крижановская 2006: 165].

Изучение типологии текстов, прежде всего научных, привлекает внимание и целого ряда петербургских лингвистов: В. Е. Чернявской, К. А. Филиппова, С. Т. Нефедова, Л. Н. Григорьевой, И. А. Вороновской, Н. В. Понамаревой. В число их основных интересов входят проблемы текстотипологического анализа, интертекстуальности, а также вопросы, связанные с исследованием паратекста [Филиппов 2003; Чернявская 2006; Нефедов 2013; Вороновская 2014; Григорьева 2016; Паномарева 2016]. В качестве основной единицы членения текста большинством из них было принято понятие «коммуникативный блок», предложенное ранее представителями Пермской школы [Крижановская 1996: 323–340]. При этом С. Т. Нефедов дополнил его еще одним компонентом: «коммуникативно-смысловый блок», сделав особый акцент на

содержательной стороне этой текстовой единицы [Нефедов 2013: 199; Нефедов 2014: 37]. В. Е. Чернявская предложила в качестве единицы текста другое понятие – «композиционно-прагматический сегмент» (КПС), однако содержание его практически не отличается от традиционно используемого термина «коммуникативный блок» [Чернявская 2009: 69–70]. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать понятие, предложенное С. Т. Нефедовым (записывая его в несколько сокращенной форме: **КС-блок**).

Опираясь на коммуникативно-функциональный метод исследования текста, принятый в современной немецкой и отечественной лингвистике [Brinker 1992; Кожина 1996], мы постараемся уделить особое внимание описанию текстовых функций (Textfunktionen) литературного предисловия, а также анализу его семантической структуры и языковых средств ее реализации.

Раздел 2. Анализ литературного предисловия как типа текста

Тема литературных предисловий как особого типа текста относится к еще недостаточно исследованным областям теоретической лингвистики. Это особенно заметно на фоне целого ряда работ, посвященных исследованию текстотипа предисловия к научным текстам [Баженова 2001; Нефедов 2013; Вороновская 2014; Григорьева 2016].

Одним из первых к исследованию этого текстотипа обратился И. Р. Гальперин. Он определил основную функцию предисловия как *интродукционную*, поскольку оно «вводит» читающего в основной текст. По мнению И. Р. Гальперина, такие части макротекста, как предисловие, введение, пролог являются факультативными и характеризуются, с одной стороны, некоторой независимостью от основного текста, но с другой стороны, неразрывно с ним связаны. Они «имеют откровенно воздействующее влияние на читателя и контекстно-вариативное членение, поскольку они представляют собой чисто авторские размышления о содержании произведения в целом» [Гальперин 2006: 58].

И. Р. Гальперин назвал предисловие и другие его разновидности (вступления, прологи) «*предтекстами*», заметив, что они остаются частью целого макротекста: «отдельно от самого произведения предисловий не существует». При этом он указал на *перспективный* характер предисловия и других предтекстов, который сказывается в их

векторной направленности: «читатель воспринимает основной текст произведения уже по заранее predeterminedенному руслу». Это, по мнению И. Р. Гальперина, «в какой-то степени ограничивает возможности индивидуально-творческого осмысления содержательно-концептуальной информации» [Гальперин 2006:61].

И. Р. Гальперин ясно указал на отличие «предисловия» от «введения». Своеобразие введения, по его мнению, заключается в том, что оно «не раскрывает ни плана повествования, ни сюжета, ни основной информации»: «иногда оно эксплицитно выражает творческий импульс автора или объясняет, что натолкнуло его на создание произведения, или дает некоторые обобщения». Предисловие же, в отличие от введения, «содержит некую долю той информации, которая является основной в тексте и обобщенно представлена в названии (заголовке)» [Гальперин 2006: 59].

Характеризуя другую жанровую разновидность предисловия – «пролог», И. Р. Гальперин отметил, что он «настраивает читателя на определенный лад, навязывает ему созвучное с автором понимание того, что будет описано в тексте, и понимание самой концептуальной информации». Тем самым ученый установил еще две важные функции предисловия: функцию «передачи концептуальной информации» и одновременно с этим – функцию трансляции авторской интенции (т. е. «созвучного с автором понимания» текста). При этом он отметил и собственно *эстетическую* функцию пролога, заметив, что его «векторная» направленность «иногда предопределяет эстетическое восприятие всего произведения» [Гальперин 2007: 67].

И. Р. Гальперин выделил следующие характерные признаки предисловия как типа текста:

- а) тезисность – сжатое описание основных положений, которые развертываются в основном тексте;
- б) аннотативность – перечисление проблем, затронутых в основном тексте;
- в) прагматичность – описание целевой установки произведения;
- г) концептуальность – выражение идей и теоретических положений, положенных в основу произведения;
- д) энциклопедичность – сведение об авторе и краткая характеристика работ в данной области, которые предшествовали его труду [Гальперин 2006: 59].

Большинство из перечисленных характеристик были выделены им, по-видимому, из предисловий к научным текстам (к которым, судя по многочисленным исследованиям в

этой области, они вполне приложимы). Но далеко не все эти характеристики применимы к предисловиям к литературным произведениям (им не свойственны, например, «тезисность» и «аннотативность»; а «энциклопедичность» характерна лишь в редких случаях). Это связано, прежде всего, с различием коммуникативных установок создателей научных и художественных текстов. Для первых важнее всего – передача полученных ими знаний, когнитивной информации, что и определяет способы ее передачи в предисловии. Для авторов же предисловий к литературным произведениям важнее всего – привлечь внимание читателя, сделать из него единомышленника-друга, поделиться с ним своим пониманием текста. Поэтому и характеристики литературного предисловия оказываются несколько иными. Наряду с упомянутыми выше «концептуальностью» и «прагматичностью» к ним следовало бы добавить две: «аттрактивность» и «эстетичность». Под «аттрактивностью» мы понимаем различные способы привлечения автором внимания к его произведению; под «эстетичностью» – установку на воплощение эстетических предпочтений автора.

Отметим, что И. Р. Гальперин вовсе не настаивал на универсальном характере предложенных им характеристик предисловия, и даже специально это отметил («Все перечисленные признаки не обязательны для всех видов предисловий и введений» [Гальперин 2006: 59]).

Одновременно с лингвистами исследованием литературных предисловий занимались и литературоведы – в частности, известный французский теоретик литературы Жерар Женетт. В 1987 г. он издал книгу («Seuils») [Genette G. 2001], посвященную паратекстам, одним из которых является предисловие (см. о монографии Ж. Женетта ниже 1.3). Литературовед О. Г. Лазареску рассматривает жанр литературного предисловия в историческом аспекте [Лазареску 2007]. (см. об анализе его монографии также 1.3).

Проблему исследования предисловий не обошли своим вниманием и представители Пермской школы. В частности, Е. А. Баженова в своей монографии «Научный текст в аспекте политекстуальности» отнесла предисловие к разряду «периферийных субтекстов» (это понятие является аналогом понятия «паратексты» в терминологии Ж. Женетта). По мнению этой исследовательницы, предисловие входит в состав «прагматической рамки», которую вместе с ним формируют заголовок, аннотация, заключение, библиографический список и оглавление»; вместе они составляют «периферийный субтекст». Кроме того, Е. А. Баженова дала подробную характеристику

смысловой структуры «речевого жанра» предисловия к научному тексту и привела набор стандартных формул, свойственных для каждой из его композиционных частей – вступительной, основной и заключительной [Баженова 2001: 231–236]. Исследовательница пришла к выводу, что предисловие обладает рядом признаков, свойственных целому тексту, – развернутостью, расчлененностью, связностью, относительной целостностью, автосемантией. Вместе с тем его отличают от основного текста «проспективная направленность на последующее изложение» и «неисчерпанность авторского замысла» [Баженова 2001: 231–232]. Автосемантия предисловия проявляется в его способности быть адекватно понятым независимо от основного текста. «Являясь в значительной степени самостоятельным, относительно законченным текстом, оно хотя и связано «семантическими нитями» с основной частью, в то же время содержательно и композиционно находится вне ее. В связи с этим предисловие может быть рассмотрено исходя из его собственной композиционно-смысловой структуры» [Баженова 2001: 232]. Говоря об общей стратегии построения текста предисловия, Е. А. Баженова отмечает, что она всецело определяется «его проспективным характером по отношению к основной части и прагматической установкой автора на подготовку адресата к восприятию основного текста» [Баженова 2001: 236].

Следуя коммуникативно-прагматическому подходу Пермской школы и, с другой стороны, логике идей И. Р. Гальперина, Е. А. Баженова предложила собственное определение речевого жанра «предисловие к научному тексту». В нем она сформулировала основные признаки этого «периферийного субтекста». Она охарактеризовала его как *«интродуктивный, проспективно направленный предтекст научного произведения, обладающий относительной смысловой завершенностью, содержащий тезисное изложение основных положений научной концепции, сжато отражающий динамику научной мысли в ее основных этапах, репрезентирующий композиционное устройство произведения и предназначенный для подготовки читателя к восприятию основного текста»* [Баженова 2001: 231].

Значительный шаг в изучении текстотипа авторского предисловия был сделан С. Т. Нефедовым (на материале научных текстов). Этой теме он посвятил две статьи [Нефедов 2013; Нефедов 2014]. В первой из них он уделил основное внимание осмыслению самого статуса предисловия как одного из «паратекстов»: изучению его основных функций, связанных с «обслуживанием» основного текста; делемитации его на

структурно-семантические сегменты; построению текстологической модели предисловия.

Вслед за Ж. Женеттом, С. Т. Нефедов отнес предисловие к «паратекстам» (таким как название, краткая аннотация, эпиграф, оглавление и т. д.), которые служат «вспомогательным средством, оснасткой основного текста» («ein Behelf, ein Zubehör des Textes») [Genette G. 2001: 4]. Благодаря этому С. Т. Нефедов определил основную коммуникативную функцию предисловия как функцию «обслуживания» основного текста (общую для всех паратекстов). Наличие у предисловия указанной коммуникативной функции обеспечивает, по мнению С. Т. Нефедова, его собственную текстуальность, «отличную от текстуальности базового текста». Поэтому он предлагает рассматривать предисловие как особый тип текста – как Text-in-Relation, как это и принято в работах немецких лингвистов: «das Vorwort als «Textsorte-in-Relation»» [Нефедов 2013: 197; Timm 2000: 457].

Рассмотрев предисловие в коммуникативно-прагматическом аспекте, С. Т. Нефедов указал, что с точки зрения автора и с точки зрения адресата оно выполняет различные функции. С позиции автора предисловие выполняет функцию «текста-инструкции» и одновременно «текста-презентации», «обеспечивающих целевому адресату подготовленный доступ к основному тексту». С точки же зрения читателя оно выполняет функцию «текста-ориентации» относительно основного текста, позволяющую ему определиться о соответствии базового текста его «ожиданиям, интересам и потребностям». (В своей более поздней статье С. Т. Нефедов внес в перечень этих функций небольшое уточнение. С точки зрения автора он определил предисловие как «текст-комментарий» и одновременно «текст-рекламу», а с точки зрения адресата – как «текст-ориентацию / инструкцию» [Нефедов 2014: 36–37].)

Кроме того, С. Т. Нефедов всесторонне исследовал текстотип авторского предисловия к научным монографиям и построил прототипическую модель этого текста. Для этого он привлек 30 предисловий к немецким научным монографиям и, следуя идеям Пермской школы, выполнил их членение на структурные элементы, – которые назвал, вслед за Е. М. Крижановской, коммуникативно-смысловыми блоками (КС-блоками).

Всего им было выделено восемь КС-блоков: 1) заглавие, 2) эмоционально-экспрессивный блок, 3) блок коммуникативной ориентации, 4) блок формулирования целей и задач монографии, 5) концептуально-методологический блок, 6) блок

характеристики предтекстов, 7) блок указания на целевого адресата, 8) блок описания архитектоники, содержания частей и «навигации» основного текста. При этом, как отметил С. Т. Нефедов, построенная им идеальная текстотипологическая модель авторского предисловия реализуется на практике не полностью. Реальные тексты предисловий в их отношении к модели построения выявляют широкую вариативность. Как правило, встречаются ее сокращенные варианты, объяснением чему в каждом случае служат целевые установки автора [Нефедов 2013: 198–201]

Свою вторую статью о предисловиях С. Т. Нефедов посвятил исследованию различных типов взаимодействия авторского предисловия с основным текстом и с другими паратекстами (или, говоря словами самого исследователя, изучению «интертекстуального измерения» авторского предисловия к научному тексту). [Нефедов 2014: 32–48]. Помимо этого, он еще раз коснулся ней вопроса о «статусе предисловия как текстового образования». Как и в первой статье, он снова поставил вопрос: является ли предисловие «самостоятельным текстом, зависимой структурной частью целостного текста, функционально самостоятельным компонентом единой текстовой макроструктуры или «паратекстом»? Отвечая на него, С. Т. Нефедов повторил два ключевых тезиса, которые, по его мнению, свидетельствуют о «статусе предисловия как отдельного типа текста»: 1) о собственной коммуникативной функции предисловия (вспомогательно-обслуживающей); и 2) о том, что в основе построения авторского предисловия лежит его собственная текстовая модель [Нефедов 2014: 36–37]. (Доказательство последнего тезиса было обосновано самим С. Т. Нефедовым в упомянутой выше статье 2013 г.).

В своеобразном «диалоге» со статьями С. Т. Нефедова находится статья И. А. Вороновской, посвященная исследованию структуры и функций авторского предисловия к научному тексту [Вороновская 2014]. В ней исследовательница указала ряд специальных функций этого текстотипа, а также несколько его частных характеристик. Перечислим названные ею функции авторского предисловия:

1) функция *привлечения внимания* читателя, которая заключается в том, чтобы заинтересовать его побудить к прочтению основного текста:

2) *фатическая* функция, направленная на установление контакта между автором и потенциальным читателем;

3) *информативная* функция, которая выражается в том, что автор не только сообщает читателю «о своем намерении сообщить ему новое знание, но и частично формулирует элементы этого знания»;

4) *интродуктивная* функция, или функция введения-вступления, подобного увертюре к музыкальному произведению, в которой «в краткой, иногда завуалированной модуляциями форме звучат все его лейтмотивы»;

5) *ориентирующая* функция, направленная на формирование у читателя общего впечатления от содержания основного текста и возможности дальнейшей ориентации в нем;

6) *директивная* функция, связанная с тем, что в качестве преамбулы к основному тексту предисловие может носить инструктирующий характер (при этом исследовательница ссылается на мнение У. Вирта [Wirth 2004: 608]).

Среди отдельных частных признаков текстотипа авторского предисловия И. А. Вороновская отмечает фиксированность времени его написания, которое, однако, может не совпадать с моментом выхода его в свет [Вороновская 2014: 12].

Новый взгляд на изучение авторского предисловия был предложен в статье Л. Н. Григорьевой, которая рассмотрела текстотип предисловия в двух новых аспектах – сопоставительном и диахроническом [Григорьева 2016]. Основным предметом ее анализа стало сопоставление предисловия Иоанна Кристофа Готшеда к 1-му изданию его грамматики («Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», 1748) с предисловием к «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755). Другим предметом ее исследования послужило сопоставление семантической структуры предисловий обоих авторов XVIII в. с типовой структурой предисловия, рекомендуемой в немецкоязычной научной литературе XXI в.

Сравнивая состав коммуникативных блоков в предисловиях И. К. Готшеда и Ломоносова, исследовательница выделила в них 4 общих К-блока: 1) адресации, 2) представления важности предмета исследования (указания на значимость языка, которому посвящена грамматика), 3) представления самого текста, 4) коммуникативной ориентации, (указав при этом на некоторые их содержательные отличия). Одновременно Л. Н. Григорьева перечислила еще ряд К-блоков из предисловия к грамматике И. К. Готшеда, отсутствующих в предисловии М. В. Ломоносова, в основном – факультативных: 1) указание на предшественников, 2) на целевую группу читателей (он

пишет, что его сочинение предназначено для немцев – в первую очередь, для молодежи), 3) на сложность и продолжительность его работы, 4) на ее новизну, 5) на возможность перевода его труда на иностранные языки, 6) а также просьбу к читателям выслать свои замечания. Таким образом, сравнением предисловий к немецкой и русской грамматикам XVIII в. Л. Н. Григорьева открыла ряд сопоставительных исследований данного текстотипа в диахроническом аспекте [Григорьева 2016: 47–49].

Для изучения дальнейшего развития данной текстотипологической модели исследовательница приводит перечень основных тем, рекомендуемых для написания предисловий к научным текстам в современных немецкоязычных инструкциях: 1) рассказать об истории создания публикуемого произведения; 2) выразить благодарность тем, кто инспирировал на его написание; 3) описать особенность данного произведения; 4) указать на его главную цель, задачи и мотивы написания работы; 5) описать основные идеи, понятия и выводы; 6) рассказать об истории изучения данной проблемы; 7) подчеркнуть актуальность, новизну и практическую ценность; 8) сообщить сведения об авторе и о целевой группе читателей. В целом перечень этих тем отражает собой новый вариант семантической структуры предисловия к научному тексту на современном этапе развития, что особенно заметно при сравнении его с грамматиками XVIII в. [Григорьева 2016: 45].

В этой статье, посвященной анализу предисловий к научным текстам, Л. Н. Григорьева коснулась и специфики предисловий другого рода – к художественным текстам, относительно которых она отметила, по крайней мере, два важных момента:

1) то, что они являются в гораздо большей степени факультативными, чем предисловия к научным текстам; последние, согласно исследованию С. Т. Нефедова встречаются в 88 % случаев [Нефедов 2013: 198];

2) и то, что предисловия к художественным произведениям существенно отличаются от исследованных ранее предисловий к научным текстам. По словам исследовательницы, «по форме, и по содержанию, и по функции» они носят «совершенно особенные индивидуально-оказиональные черты» [Григорьева 2016: 45].

Тем самым ею было определено дальнейшее направление исследования текстотипа предисловия на материале художественных текстов.

Следующий шаг – в направлении от научного текста к художественному – был сделан в работе Н. В. Понамаревой. Она посвятила один из разделов своей диссертации и

вышедшую годом ранее статью анализу литературного предисловия к немецкому роману XV–XVI вв. [Понамарева 2015; Понамарева 2016]. Рассматривая феномен литературного предисловия в коммуникативно-прагматическом аспекте, она уделила основное внимание изучению субъектно-адресатных отношений в тексте предисловия, а также описанию языковых средств диалога автора и читателя, актуализируемого, прежде всего, в предисловиях [Понамарева 2016]. Широко привлекая работы немецких ученых, исследовательница установила целый ряд функций предисловия к немецким романам раннего периода. По ее мнению, главной из них является функция установления контакта автора с читателем с целью «заполучить его внимание, заручиться его доверием и поддержкой». Еще одной важной функцией предисловия, по мнению Н. В. Понамаревой, является «введение читателя в собственно художественное пространство, инициация его обращения к тексту (Eröffnung des Gesprächs)». В данном случае она следует мысли известного немецкого исследователя Хеннига Бринкманна [Brinkmann 1964].

Раздел 3. Анализ функций литературного предисловия

Как уже указывалось выше, анализу функциональных типов литературных предисловий посвящена книга Ж. Женетта «Пороги» («Seuils», Paris 1987), более известная в немецком и английском переводах под названием «Паратексты» («Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches», 1989 (aus dem Französischen von Dieter Hornig); Paratexts: Thresholds of Interpretation, 1997). В России эта книга не была переведена (за исключением одной главы о посвящениях) [Женетт 2004]. Вероятно, поэтому содержание ее не нашло отражения в работах отечественных исследователей, в том числе посвященных исследованиям литературных предисловий [Викулова 2001; Лазареску 2004; Чернигова 2006]. Исключение составляют лишь несколько широко известных цитат о «паратексте», взятых из введения к монографии Ж. Женетта. Чтобы восполнить этот пробел, мы сочли целесообразным ввиду значимости данного труда и его относительно малой изученности и цитируемости достаточно подробно изложить здесь систему идей Ж. Женетта, относящихся к литературным предисловиям. Этой теме французский ученый посвятил три отдельных главы и значительную часть введения к своей монографии [Genette 1989: 9–21, 157–280].

Прежде всего, Ж. Женетт предложил рассматривать предисловие в одном ряду с другими аналогичными элементами (такими, как заглавие, эпиграф, комментарии и т.п.) как часть околотекстового окружения, которые дают возможность тексту «стать книгой». Ему он дал название *паратекста*. «Паратекст – это некоторое вспомогательное средство, посредством которого текст становится книгой, и что позволяет предложить его в этом качестве читающей публике» [Genette 1989: 10] (здесь и далее перевод с немецкого языка выполнен М.О. Панченко). В этом смысле, утверждает Ж. Женетт, «можно без сомнения сказать, что текст не существует без паратекста и никогда не существовал» [Genette 1989: 10].

Ж. Женетт подробно останавливается на исследовании природы паратекста (частью которого, напомним, является и предисловие). Он говорит, что паратекст «во всех своих формах является гетерономным [т. е. несамостоятельным. – М. П.] вспомогательным дискурсом, который предназначен служить чему-то другому, что придает смысл его существованию, – а именно тексту». Каждый паратекстуальный элемент, утверждает Ж. Женетт, «всегда подчинен «своему» тексту, и эта функциональность в значительной степени определяет его строение и существование» [Genette 1989: 18].

Ж. Женетт сравнивает паратекст с «порогом», или, по словам Борхеса, с «вестибюлем», «который позволяет читателю либо войти в мир книги, либо отринуть его». Он сравнивает его с особой «зоной перехода» и одновременно «зоной *транзакции*» между текстовой реальностью и внетекстовым высказыванием о тексте. Основное предназначение этой «зоны», которая всегда содержит авторский комментарий к тексту, заключается в воздействии на читателя для лучшего восприятия текста и более релевантного его прочтения [Genette 1989: 10].

С точки зрения ситуации коммуникации Ж. Женетт рассматривает паратекст как особого рода авторское *сообщение*, адресованное читающей публике. Описывая различные характеристики этого послания («paratextuelle Mitteilung») – пространственные, временные, субстанциальные, прагматические и функциональные, – он останавливается на характерных чертах литературного предисловия как паратекста.

С точки зрения его *пространственного* положения в книге Ж. Женетт относит предисловие к *перитексту* (именуя этим термином всю совокупность паратекстовых элементов, входящих в одну книгу с литературным текстом). Одновременно он противопоставляет его *эпитексту*, который находится за пределами книги (интервью с

автором, переписка, дневники, рецензии и т.п.) [Genette 1989: 12].

Рассматривая предисловие с точки зрения его *временных* характеристик, Ж. Женетт выделяет следующие его типы:

– «изначальное» предисловие (*das originale Vorwort*) – время появления которого совпадает с выходом первого издания;

– «последующее» (*das nachträgliche Vorwort*) – т.е. добавленное во втором или последующих изданиях;

– и, наконец, «позднее» (*das späte Vorwort*) – написанное спустя большой промежуток времени, как правило, в конце жизни [Genette 1989: 13].

С точки зрения прагматического статуса участников акта коммуникации – *отправителя* и адресата – Ж. Женетт выделяет, соответственно отправителю, два типа предисловия: *авторское* (написанное автором основного текста) и *аллографическое*. Аллографическим он называет предисловие, написанное третьим лицом и принятое автором. В случае аллографического предисловия происходит своего рода разделение между *отправителем текста* (т. е. автором произведения) и *отправителем предисловия* (т. е. сочинителем предисловия) [Genette 1989: 16]. К этому типу относится, например, предисловие Людвика Тика к изданию «Фантазий об искусстве» (1799) В.Г. Вакенродера или предисловие П. А. Вяземского к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1824).

С точки зрения статуса *адресата* Ж. Женетт делит паратекст на *публичный* (заглавия, интервью) и *частный*, адресованный частным лицам (как, например, дарственные надписи). А в частном, в свою очередь, выделяет паратекст *интимный* (записные книжки, дневники писателя и т.п.). Что же касается предисловия, то его Ж. Женетт относит к публичному паратексту, оговариваясь при этом, что адресатом предисловия является не просто «публика» (по его остроумному замечанию, это слишком широкое понятие, которое потенциально может быть распространено на все человечество), но более специфический и ограниченный круг читателей данного текста [Genette 1989: 16]. Аналогом этого в современной лингвистике служит понятие «целевой группы» читателей (*Zielgruppe*).

Особое внимание Ж. Женетт уделяет прагматической характеристике предисловия, силе его *иллокутивного воздействия* на читателя. Иллокутивная же сила предисловия зависит прежде всего от того, в какой мере оно раскрывает авторский замысел или

сообщает об авторской интерпретации произведения (в чем, по мнению Ж. Женетта, и заключается главная функция большинства предисловий [Genette 1989: 17]).

Переходя к главному содержанию своей книги, связанной с исследованием функций паратекста, Ж. Женетт уделяет в ней значительное место изучению функциональных типов литературных предисловий, чему он посвятил целых три главы. Первая из них («Die Instanz des Vorworts») связана с анализом коммуникативной ситуации предисловного паратекста и его особенностей. Вторая – с исследованием основного функционального типа авторских предисловий, названного им «изначальным» («Die Funktionen des Originalvorworts»). Наконец, третья глава («Andere Vorworte, andere Funktionen») посвящена рассмотрению функций иных типов авторских предисловий («последующих» и «поздних»), а также различных типов неавторских предисловий – аллографических и вымышленных.

Для целей нашей работы представляется необходимым выполнить краткий обзор идей Ж. Женетта о формальных признаках предисловия как особого типа текста, о функциях литературных предисловий и их типологии.

В главе «Die Instanz des Vorworts» Ж. Женетт приводит длинный список парасинонимов для обозначения предисловия в произведениях разных авторов: «Einleitung, Vorrede, Prolog, Vorspiel, Einführung, Präambel, Präliminarien, Exordium, Proömium usw.». [Genette 1989: 157]. Поясняя все это существующее разнообразие наименований, Ж. Женетт связывает с тем, что в эпоху до Гуттенберга предисловия были инкорпорированы в интродуктивную часть литературного текста, выполняя при этом функцию предисловия [Genette 1989: 165].

Чтобы установить различие между понятиями «введение» и «предисловие», он приводит важное рассуждение Жака Деррида о паратексте Гегеля из книги «Рассеяние» (La Dessimation, 1972), которое стоит того, чтобы процитировать его в нашей работе:

«Предисловие следует отличать от введения. Они не обладают, на взгляд Гегеля, ни одной и той же функций, ни одним и тем же достоинством <...>. Введение (Einleitung) имеет более систематическую и менее историческую, менее обусловленную связь с логикой книги. Оно уникально; оно занимается решением архитектурных, общих и существенных вопросов и представляет общее понятие в его многообразии и самодифференциации. Предисловия, с другой стороны, множатся из издания в издания и

принимают в расчет более эмпирическую историчность; они соответствуют необходимости, обусловленной случайностью...» [Genette 1989: 157].

Иначе говоря, Жак Деррида обнаружил внутреннюю семантическую связь *введения* с основным текстом произведения, их тематическую когеренцию. Именно это отличает его от предисловия, которое характеризуется семантической автономностью, будучи ориентировано на – внешнюю по отношению к тексту – ситуацию коммуникации автора и читателя по поводу самого текста.

Рассуждая о *формальных признаках* предисловия, Ж. Женетт отмечает (в параграфе «Form») ряд его наиболее характерных черт: структурную *автономность* (обычно в позиции перед текстом), указание даты написания, статуса отправителя и адресата. Но основным формальным признаком предисловия он считает свойственную ему композиционно-речевую форму «рассуждения» (discourse). Приведем эту мысль дословно: «Самый частотный *формальный (и модальный) статус* предисловия очевидно заключается в том, что он является *рассуждением* в прозе, которое своими риторическими чертами отделяется от повествовательной или драматической модальности текста, <...> а своей прозаической формой отделяется от поэтической формы текста...» [Genette 1989: 166].

При этом Ж. Женетт отмечает в свойственной ему манере, что из этого правила есть и некоторые исключения. Например, некоторые предисловия имеют драматическую форму диалога. (В качестве примера, отсутствующего у Ж. Женетта, приведем уже упомянутое выше предисловие П. А. Вяземского к изданию поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»). Другие предисловия могут адаптироваться под *повествовательный* модус текста, особенно в тех случаях, когда сочинение приписывается вымышленному автору, например, в предисловии к «Имени розы» Умберто Эко. (В свою очередь, мы можем упомянуть аналогичный тип нарративного повествования в предисловиях к романам В. Гауфа «Лихтенштайн» и Л. Тика «Виттория Аккоромбона», а среди русских сочинений – к роману В. Ф. Одоевского «4338 год».) Кроме того, некоторые авторы могут помещать к сборникам своих сочинений вступительные стихотворения в функции предисловия (как это делает, например, Гейне в предисловии к третьему изданию «Книге песен»). Особенно примечателен в этом отношении случай, который приводит Ж. Женетт. Он отмечает, что один из прозаических сборников Ж.-К. Гюйсманса (J.-K. Huysmans) предваряет целый вступительный сонет, выполняющий функцию предисловия.

Рассуждая далее о *месте* расположения предисловия по отношению к основному тексту, Ж. Женетт отмечает (в параграфе «Ort»), что некоторые авторы вразрез с традицией предпочитают помещать его в конце. В качестве примера он приводит роман Вальтера Скотт «Уэверли», который дал последней главе следующее заглавие: «Постскриптум, который должен был быть предисловием», объяснив при этом, что люди редко читают предисловия и часто начинают книгу с конца, поэтому этот постскриптум и будет служить для них предисловием.

Соглашаясь с Вальтером Скоттом, Ж. Женетт не считает местоположение предисловия сколь-нибудь значимой его характеристикой. Более того, к одной из разновидностей предисловия он относит и *послесловие*. При этом он указывает, что «специфические черты послесловия – совершенно неоспоримые – кажутся ему гораздо менее важными, чем те черты, которые оно разделяет с общим типом предисловного текста» [Genette 1989: 157].

Позиция Ж. Женетта по этому вопросу нашла отражение и в рабочем определении термина «предисловие», принятым в его исследовании. Звучит оно примерно так: «Я обобщаю распространенный термин «предисловие» и обозначаю им все виды авторских или аллографических текстов (предваряющих или завершающих), которые состоят из дискурса, который был произведен в связи с последующим или предваряющим текстом» [Genette 1989: 157].

Далее, в параграфе «Adressanten», Ж. Женетт предлагает классификацию предисловий по типу отправителя, различая следующие их виды:

– авторское предисловие (*auktoriales Vorwort* oder *autografes Vorwort*), предполагаемый автор которого идентифицируется благодаря эксплицитной референции (полному имени или инициалам) или различным косвенным признакам;

– предисловие от имени действующего лица (*aktoriales Vorwort*), предполагаемый автор которого является одним из участников действия, о котором повествуется в литературном произведении;

– аллографическое предисловие (*allographes Vorwort*), предполагаемый автор которого является неким третьим лицом [Genette 1989: 173].

Дифференцируя предисловия по степени достоверности их атрибуции, Ж. Женетт выделяет в свою очередь:

- аутентичные предисловия (*authentische Vorworte*), атрибуция которых подтверждена некоторыми другими паратекстуальными доказательствами;
- апокрифические предисловия (*apocryphe Vorworte*), если атрибуция реальному лицу не подтверждена некоторыми паратекстуальными доказательствами;
- и вымышленные предисловия (*fictive Vorworte*), приписываемые автором некоему вымышленному лицу [Genette 1989: 173–174].

Говоря о вымышленных предисловиях, Ж. Женетт отмечает, что автор – названный по имени, или анонимный, или скрывающийся под псевдонимом – может представлять себя в качестве простого издателя некоей автобиографии или дневника, приписывая его авторство самому рассказчику (Робинзону Крузо, или Молль Флендерс, или кому-то еще). В более редких случаях он может приписывать текст анонимному писателю (как правило, дилетанту), который якобы обратился к издателю с просьбой помочь ему советом. Близкие или подобные случаи встречаются нередко и в предисловиях к сочинениям немецких и русских романтиков: например, в предисловии к роману Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» или к роману В. Ф. Одоевского «4338 год» (о чем пойдет речь во 2-й главе).

Бесспорно, главный интерес в исследовании Ж. Женетта представляет предложенный им анализ *функций* литературных предисловий, которые различаются в зависимости от их типов. Типы же предисловий, по мнению Ж. Женетта, зависят от *типа их «отправителя»*: именно этот признак положен в основу его типологии. Другим дифференцирующим признаком в предложенной им типологии предисловий служит время их написания. Исходя из обоих указанных признаков, Ж. Женетт выделяет 6 основных функциональных типов предисловий:

1. изначальное авторское предисловие (*das auktoriale Originalvorwort*),
2. изначальное авторское послесловие (*das auktoriale Originalnachwort*),
3. последующее авторское предисловие (*das nachträgliche auktoriale Vorwort*),
4. позднее авторское предисловие (*das späte auktoriale Vorwort*),
5. аутентичное аллографическое предисловие (*das authentische allographe Vorwort*),
6. вымышленное предисловие (*das fiktionale Vorwort*).

Первый из названных типов – «*das auktoriale Originalvorwort*» – Ж. Женетт рассматривает как *основной тип* литературных предисловий (*der Grundtypus*) или как

«предисловие *par excellens*» [Genette 1989: 190–191]. Исследованию многообразных функций этого типа он посвятил отдельную главу – «Die Funktionen des Originalvorworts».

Главную функцию изначального авторского предисловия Ж. Женетт видит в том, «чтобы *гарантировать хорошее прочтение текста*». «Эта простая формула, – как он замечает, – сложнее, чем это может показаться, потому что она распадается на два действия: 1) способствовать чтению и 2) способствовать, чтобы это чтение хорошо прошло». (Буквально: “Die Hauptfunktion des bejahenden auktorialen Originalvorworts <...> besteht darin, *eine gute Lektüre des Textes zu gewährleisten*. Diese simple Formel ist komplexer, als sie scheinen mag, da sie sich in zwei Aktionen zerlegen lässt <...>: 1. eine Lektüre bewirken und 2. bewirken, dass diese Lektüre gut verläuft”) [Genette 1989: 191].

Первая из двух названных функций, поясняет далее Ж. Женетт, заключается в том, чтобы *привлечь к тексту внимание* читателя, вторая – чтобы *направить его чтение и понимание* текста в соответствии с интенциями автора.

В другом месте Ж. Женетт говорит о том же более определенно, связывая две главные функции предисловия с тем, чтобы «поддерживать интерес читателя и направлять, объясняя ему, почему и как он должен читать текст» («...den Leser bei der Stange halten und führen, indem man ihm erklärt, warum und wie er den Text lesen soll») [Genette 1989: 191].

С этими двумя вопросами – «почему и как он должен читать текст?» – связаны две группы функций предисловий, выделенных Ж. Женеттом, одна из которых подводит к ответу на вопрос «почему?», а другая – «как?». Содержанию каждой из них Ж. Женетт посвятил два разделах этой главы, которые так и озаглавил: «Warum zu lesen sei» и «Wie zu lesen sei». В них он представил многообразие функциональных типов авторских предисловий, к рассмотрению которых мы теперь и переходим.

Сначала рассмотрим группу функций предисловий, посвященных ответу на вопрос, почему следует читать литературный текст («*warum zu lesen sei*»). К ним относятся такие функции предисловия, как аргумент *важности* текста; аргумент *новизны*; мотив *единства* текстов в составе сборника; аргумент *правдивости* автора; и, наконец, мотив *превентивной авторской самокритики* (который Ж. Женетт остроумно назвал «молниеотводом»). Объединяющим их моментом служит *утверждение* автором предисловия *ценности произведения*.

1. **Аргумент важности текста («Bedeutung»)**. Чтобы привлечь внимание к своему сочинению, говорит Ж. Женетт, автор предисловия должен снискать расположение читателя, показав высокую ценность своего сочинения. Трудность выполнения этой задачи заключается прежде всего в том, что автор лишен какой-либо возможности говорить о *литературных достоинствах* своего произведения, чтобы не оттолкнуть читателя своей нескромностью. Слова «талант» или «гений», говорит Ж. Женетт, в предисловиях совершенно запрещены, поэтому *утверждать ценность созданного автором произведения* можно только одним способом – говоря о *важности* самого предмета изображения. «Хотя я и не сумел передать свой предмет как надо, – обращается автор к читателю, – но вам все же следует прочесть этот текст из-за ценности самого предмета». [Genette 1989: 192]. Подобная риторика, по словам Ж. Женетта, особенно часто встречается в предисловиях к историческим произведениям, а также к сочинениям теоретического характера. Авторы их непременно говорят об *интеллектуальной, нравственной, религиозной и социально-политической пользе* своих сочинений. Утверждение *пользы* составляет в этом случае главное условие ценности текста. Этот аргумент *пользы*, неотделимой от *важности* предмета, необычайно силен в предисловиях подобного типа [Genette 1989: 193–194].

2. **Аргумент новизны или традиционности предмета изображения («Neuheit, Tradition»)**. Другим способом утверждение ценности произведения служит аргумент оригинальности или, по крайней мере, *новизны* его предмета. Но, как указывает Ж. Женетт, аргумент новизны стал использоваться в этой функции достаточно поздно, начиная с Руссо. В тоже время его предшественники, напротив, предпочитали делать упор на *традиционности* предмета изображения, что уже само по себе служило гарантией качества [Genette 1989: 194].

3. **Мотив единства текстов («Einheit»)**, составляющих сборник. Еще одним способом убеждения читателя в ценности текстов, составляющих сборник, служит, по наблюдению Ж. Женетта, указание на формальное или тематическое единство его частей. Сборник (рассказов, стихотворений, эссе) является тем самым жанром, в котором разнообразие предметов особенно бросается в глаза; что и побуждает автора предисловия отрицать или как-то компенсировать это разнообразие. По мнению Женетта, он использует для этого идеологическое клише, которое априорно возводит *единство* (предмета, метода или формы) в разряд некоей доминирующей ценности. «Почему

единство следует предпочитать принципу множественности?» – недоумевает Ж. Женетт. И дает на этот вопрос следующий ответ: «Полагаю, это какой-то неразрешимый монизм, который имеет некоторые метафизические (или, в действительности, религиозные) мотивы» [Genette 1989: 198].

Отметим, что мотив «единства», действительно, является одной из ведущих тем предисловий к литературным сборникам немецких и русских романтиков. К нему прибегает, например, В. Ф. Одоевский в предисловии к циклу новелл «Русские ночи».

4. Аргумент правдивости («Wahrhaftigkeit») автора для утверждения ценности текста. Как указывает Ж. Женетт, в предисловиях крайне редко упоминается о высоком художественном уровне текста. Единственное, что автор может себе позволить в предисловии – это сказать о правдивости или, по крайней мере, о своей искренности, с какой он постарался изобразить предмет. По мнению Ж. Женетта, стремление снискать доверие к правдивости автора является общим местом в предисловиях к историческим и автобиографическим сочинениям (начиная с Монтеня: «Эта книга, читатель, написана совершенно достоверно»). При этом вымысел сам по себе, как отмечает Ж. Женетт, вовсе не чуждается «договора о правдивости». Он напоминает, что первый греческий роман начинается с утверждения, что эта любовная история «действительно имела место в Сиракузах» [Genette 1989: 200].

В нашем случае о своей верности исторической правде говорит, например, В. Гауф в предисловии к историческому роману «Лихтенштейн» (о чем подробнее будет сказано во 2-й главе работы).

5. Превентивная форма самокритики, или «молниеотвод» («Blitzableiter»). Исчерпав основные темы, связанные с функцией привлечения к книге читательского внимания, Ж. Женетт приводит еще одну, которая, казалось бы, служит прямо противоположной цели. В классической риторике она обозначается термином *excusatio propter infirmitatem* – «извинение из-за недостатка способности», т.е. указывая на важность темы, оратор признается в неспособности справиться с ней со всем необходимым талантом. [Genette 1989: 201]. В тоже время, как указывает Ж. Женетт, этот аргумент «недостатка способности» оказывался самым верным путем для автора отражать критиков, т. е. нейтрализовать их, – или, в действительности, предвосхищать критику, перехватывая инициативу. Поэтому он именуется эту функцию предисловия (парадоксальным образом «повышающую стоимость акций») термином, которое

использовал когда-то Г.-К. Лихтенберг: «Предисловие может быть названо *молниеотводом*» [Genette 1989: 201].

Перейдем к рассмотрению второй группы функций предисловий, посвященной ответу на вопрос, *как* следует читать текст («*wie zu lesen sei*»).

С начала 19 века, отмечает Ж. Женетт, функцию предисловия, связанную с *утверждением ценности произведения*, вытеснили две другие – **функция передачи информации** и **функция руководства процессом чтения**. Иначе говоря, аргументы, связанные с «почему», были *вытеснены темами, связанными с «как»* [Genette 1989: 202–203].

В доказательство Ж. Женетт приводит слова Новалиса: «Der Gebrauch des Buches wird in der Vorrede gegeben» [«Объяснение того, *как* использовать книгу, дается в предисловии»] (Novalis, Schriften, Bd. III, Stuttgart 1960, S. 361). Эти слова, по его мнению, означают прежде всего то, что автор должен сообщить в предисловии *некоторую информацию* для верного прочтения текста его читателем – в том ключе, в каком автор хотел бы быть прочитан [Genette 1989: 203].

1. **История возникновения** («Entstehung»). Одним из видов такой информации может быть рассказ о том, как возник замысел сочинения, при каких обстоятельствах оно было написано, какие были этапы в его создания [Genette 1989: 203–204]. (Об этом говорит, например, Людвик Тик в предисловии к роману «Виттория Аккоромбона».)

Отдельным аспектом информации об истории создания произведения является *указание на его источники*, особенно в предисловиях к классическим трагедиям и историческим романам. Авторы их никогда не упускают возможности указать на свои источники. Типично это и для произведений, в которых господствует художественный вымысел, которые обычно ведут свое начало из истории или преданий [Genette 1989: 205]. (Именно так поступает, например, Гейне в предисловии к поэме «Атта Троль»).

Особым случаем указания на источники Женетт считает *выражение благодарности* людям и институциям, которые способствовали автору в создании книги [Genette 1989: 205].

К важнейшим функциям предисловия Ж. Женетт относит *руководством процессом чтения*, осуществлению которого служит ряд следующих функций:

2. **Выбор публики** («Wahl eines Publikums»). Для руководства читателем, полагает Ж. Женетт, автор сначала должен *создать себе его образ*. Авторы часто создают довольно

специфический образ того типа читателя, которого они хотели бы видеть; но также и того типа читателя, которого они хотели бы избежать (например, для Спинозы это были читатели «нефилософы»). Бокаччо, как известно, ориентировался на женскую публику, адресуясь к «очаровательным дамам». Ориентация на женскую публику, как отмечает Ж. Женетт, вообще является столь же древней практикой, как и сам роман (поскольку читателям-мужчинам ближе эпическое начало, а женщинам – романическое). В то же время в прологе к роману «Гаргантюа и Пантагрюэлю» Рабле обращается к мужчинам – в свойственной ему гротескной форме – как к пьяницам и сифилитикам [Genette 1989: 206].

Касается Ж. Женетт и другой встречающейся в предисловиях темы – *письма для идеальной публики*, олицетворяемой выдающимися мастерами. В связи с этим он цитирует строки Расина из предисловия к «Британнике»: «*Что бы сказали Гомер или Вергилий, если бы им пришлось прочитать эти строки? Что сказал бы Софокл, если бы он увидел эту сцену поставленной на подмостках? ... Ибо, цитируя мысль древних, настоящей публикой являются те, кого нам следует держать в своем уме*» [Genette 1989: 206].

3. Разъяснение заглавия произведения («Titelkommentar»). Эту функцию предисловие выполняет в тех случаях, когда заглавие оказывается непонятным читателю. В подтверждение Ж. Женетт приводит слова Жана Поля из предисловия к роману «Юбель сеньор»: «Предисловие, должно быть ничем иным, как несколько более длинной титульной страницей». (Но мы-то знаем, – говорит Ж. Женетт, – в XVIII веке и титульные страницы сами по себе бывали иногда очень длинными») [Genette 1989: 207]. Кроме того, как отмечает исследователь, комментарии к заглавию в предисловии могут быть для автора одним из способов защиты от критики – уже пережитой или еще ожидаемой [Genette 1989: 207].

4. Заключение «договора о вымышленности» («Fiktionsverträge»). Еще одной из функций предисловия является заключение с читателем своеобразного «договора о вымышленности» героев и ситуаций, что объясняется желанием автора предостеречь наименее искушенную часть публики от попыток приписать ему чувства и мысли его героев. Эту функцию Ж. Женетт называет «заверением в вымышленности произведения», отмечая, что она зарезервирована преимущественно за вымышленными произведениями, особенно за романами. [Genette 1989: 209]. Он напоминает, что бесконечное число классических произведений содержит подобные предисловия, предостерегающие от поиска реальных прототипов. В шутку он выражает эту функцию фразой, заимствованной

из практики художественных фильмов: «Все герои и события, упоминаемые в этом повествовании, вымышлены; любое сходство с реальными людьми совершенно случайно» [Genette 1989: 210].

Применительно к нашему исследованию отметим, что данная функция реализуется во множестве предисловий к сочинениям немецких и русских романтиков, особенно в жанре исторического романа. Сошлемся на некоторые из них: предисловие к роману Л. Тика «Виттория Аккоромбона», к романам М. Н. Загоскина («Рославлев»), К. П. Масальского («Стрельцы»), Ф. Н. Глинки («Дева карельских лесов»), Ф. В. Булгарина («Мазепа»).

5. Порядок, в котором следует читать («Rheienfolge der Lektüre»). Предваряя чтение, некоторые авторы могут проинформировать читателя, в каком порядке расположен материал. Некоторые могут указать торопливому читателю, какие главы он может при необходимости пропустить или предложить другие пути «навигации» по тексту. С другой стороны, кто-то может, наоборот, потребовать от читателя строго следовать установленному порядку чтения (как это сделал, например, Макс Фриш в предисловии к книге очерков 1946-1949 гг.). Но, как отмечает Ж. Женетт, эту функцию мы едва ли сможем обнаружить в предисловиях к поэтическим сочинениям или произведениям художественного вымысла [Genette 1989: 211].

6. Информация о контексте («Angaben über den Kontext»). Совершенно особую функцию выполняют предисловия к публикациям отдельных частей еще не законченного произведения, в которых автор сообщает об их литературном контексте, составляющем с ними единое целое. Как отмечает Ж. Женетт, такие предисловия обычно оказываются недолговечны: они исчезают с появлением полного издания. [Genette 1989: 212–213]. Именно так произошло, например, с предисловиями к отдельным главам «Евгения Онегина» (1-й, 3-й и 8-й). Два из них в полном издании (1833 г.) были сняты, а третье помещено в Приложении – в качестве предисловия к «Отрывкам из путешествия Онегина».

7. «Заявление о намерениях» («Absichtserklärungen»). Самой важной из функций авторского предисловия, по словам Ж. Женетта, является выражение в нем авторской интерпретации текста или, точнее, «заявления о намерениях». [Genette 1989: 214].

В целом авторская практика, – говорит Ж. Женетт, – «состоит в том, чтобы навязать читателю свое доморощенное представление о тексте, определяемое через *точку зрения*

автора, которая и представляется наиболее достоверным ключом к интерпретации текста. В этом отношении предисловие является одним из инструментов авторского контроля» [Genette 1989: 215]. Чаще всего автор прямо заявляет в предисловии о своих намерениях: «Я хотел объяснить то-то и то-то»; или «Я старался изучить темпераменты, а не героев» и т.п. «После таких высказываний, – считает Ж. Женетт, – невозможно читать рассказ, не учитывая его авторскую интерпретацию, нависающую над вашим чтением» [Genette 1989: 217].

8. **Жанровые определения** («Gattungsdefinitionen»). Наконец, последняя из выделенных им функций литературных предисловий связана с рассуждениями автора о жанровых особенностях его произведения. Эта функция может рассматриваться, по словам Ж. Женетта, как один из вариантов упомянутой выше функции авторской интерпретации текста, ограниченной профессиональной сферой литературного жанра. Поиски жанровой дефиниции, по его мнению, приходится обычно на время «переходных периодов» – таких, как барокко или ранний романтизм, когда авторы стараются осмыслить отклонения созданных ими литературных форм от более ранних, чья авторитетность все еще имеет вес [Genette 1989: 217]. Размышление о жанровых новшествах литературного произведения иногда может придавать предисловию тон литературного манифеста. При этом, как отмечает Ж. Женетт, предисловие-манифест может иметь отношение к вещам более широким, чем литературный жанр, – например, к общим проблемам искусства и морали, или религии [Genette 1989: 221–222].

В качестве примеров реализации этой функции в предисловиях немецких и русских романтиков сошлемся, например, на предисловии к поэме Гейне «Атта Троль» или к роману Масальского «Стрельцы».

Итак, в представленном нами анализе главы «Die Funktionen des Originalvorworts» речь шла о функциях только одного типа авторских предисловий – *аутентичных* авторских предисловиях (*authentische Originalvorworte*). В результате их исследования Ж. Женетт выделил следующие функции этого типа:

1. утверждение важности текста («Bedeutung»);
2. утверждение оригинальности и новизны изображаемого предмета («Neuheit»);
3. утверждение единства текстов, составляющих сборник («Einheit»);
4. утверждение правдивости или искренности автора для обоснования ценности текста («Wahrhaftigkeit»);

5. превентивная форма авторской самокритики, применяемая с той же целью («Blitzableiter»);
6. рассказ читателю об истории возникновения текста («Entstehung»);
7. руководство чтением через выбор целевого читателя («Wahl eines Publikums»);
8. разъяснение заглавия («Titelkommentar»);
9. заключение с читателем «договора о вымышленности» («Fiktionsverträge»);
10. разъяснение порядка расположения материала и путей «навигации» по тексту («Rheienfolge der Lektüre»);
11. информирование о литературном контексте произведения («Angaben über den Kontext»);
12. выражение авторской интерпретации текста или его интенций («Absichtserklärungen»);
13. определение жанровых особенностей текста («Gattungsdefinitionen»).

В следующей главе своей книги («Andere Vorworte, andere Funktionen») Ж. Женетт исследовал еще несколько типов авторских предисловий, которые можно условно назвать «неизначальными» и «неаутентичными». К «неизначальным» он отнес две группы хронологически более поздних предисловий: *nachträgliche Vorworte* и *späte Vorworte*. К «неаутентичным» – тип *вымышленных* предисловий (*fiktionale auktoriale Vorworte*). Как указывает Ж. Женетт, оба указанных типа предисловий имеют свои специфические функции, которые нам также предстоит здесь кратко проанализировать.

Тип «последующих» авторских предисловий (*nachträgliche Vorworte*). Предисловиями этого типа, по словам Ж. Женетта, являются предисловия ко *второму и последующим* изданиям текста, которые восполняют его отсутствие в первом издании. Главной их функцией служит *ответ на отзывы критики* после первого издания текста. Хотя такие предисловия и являются по дате более «поздними», однако, как считает Ж. Женетт, они каждый раз адресуются новому читателю [Genette 1989: 230–232].

Характерным примером типа «последующего» авторского предисловия может служить предисловие Лермонтова ко 2-му изданию «Героя нашего времени», которого не было в первом издании (1840 г.) и которое появилось только в мае 1841 в качестве ответа на литературную критику и негативное отношение к роману императора Николая I.

Ответ критикам, по его мнению, является очень деликатным делом, поскольку автор рискует показаться либо «тонкокожим», либо чересчур нескромным. Поэтому ему часто приходится прикрываться с помощью выражений: «Я не защищаю себя от критиков – они могут говорить все, что пожелают; но я беспокоюсь о том, чтобы исправить некоторые ошибки в понимании текста». Или с помощью такого: «Я принимаю критику, но я должен сказать, что некоторые, кто находит ошибки у меня, противоречат друг другу». Особенно популярна в таких предисловиях апелляция к суду публики: «Критики ополчились на меня, но публика на моей стороне». Апелляция к суду публики, отмечает Ж. Женетт, является характерной чертой авторской топики, придерживающейся взгляда, что «ученая критика» не может превалировать над мнением простого читателя [Genette 1989: 233].

Помимо главной функции «последующего предисловия» Ж. Женетт называет еще две второстепенные. Первая состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя к *исправлениям* в тексте более позднего издания. Вторая заключается в том, что в одном из «последующих» изданий писатель признается в своем авторстве по отношению к тексту, о чем он в первом издании предпочел умолчать (как, например, Набоков – в авторстве «Лоллиты» в издании 1956 г. или Умберто Эко – в авторстве «Имени розы» в 1983 г.) [Genette 1989: 232].

Тип «поздних» авторских предисловий (*späte Vorworte*). Ж. Женетт относит этот тип к числу «завещательных» или «предсмертных» («das testamentarische Vorwort, der Nachlass zu Lebzeiten»). Говоря об особенных функциях этого типа, он связывает их со значительным временным интервалом со времени появления текста и близостью кончины самого автора, что позволяет ему рассматривать этот тип в качестве «последнего» предисловия [Genette 1989: 238].

Первой из функций этого типа является функция *автобиографическая*. «Предисловие в этом издании, как сказал когда-то Шатобриан, – представляет собой нечто вроде мемуаров» [Genette 1989: 238].

Второй типичной функцией позднего предисловия Ж. Женетт считает описание в нем *истории возникновения* текста и *указание на его источники*. В качестве примера он ссылается на послесловие к роману У. Эко «Имя розы» (которое, по его мнению, выполняет функцию типичного «позднего» предисловия) и приводит слова самого Эко, которые содержат теоретическое осмысление предисловия этого типа: «Автор не должен

интерпретировать. Но он может рассказать, *как и почему* он написал свою книгу» [Genette 1989: 242].

Подводя итог анализу функций обоих типов хронологически более поздних авторских предисловий, перечислим их еще раз:

I. Функции «последующих» авторских предисловий (*nachträgliche Vorworte*):

1. *главная функция*: ответ на отзывы критики после первого издания;
2. привлечение внимания к правке текста;
3. признание в авторстве (о чем в первом издании не было сказано);

II. Функции «поздних» авторских предисловий (*späte Vorworte*):

1. автобиографическая («нечто вроде мемуаров»);
2. рассказ об истории возникновения текста и указание на его источники.

Перейдем далее к рассмотрению наиболее сложного типа авторских предисловий, в котором ведущую роль играет литературный вымысел.

Тип вымышленных предисловий (*fiktionale Vorworte*). Первичная функция этого типа заключается в том, чтобы *дать вымышленную атрибуцию произведения*, убедив читателя в том, что оно написано не его истинным автором, а неким другим, вымышленным. (Например, предисловие к роману «Элексиры Сатаны» служит тому, чтобы доказать, что роман написан не Гофманом, а неким «монахом Медардом».)

Чтобы сочинить вымысел, пишет Ж. Женетт, нужно, как знают все романисты, сконструировать его с помощью убедительных деталей. Самым действенным способом для достижения этой цели, по его мнению, является *имитация серьезного предисловия* вместе со всеми его «декорациями» (именуемыми функциями) [Genette 1989: 266].

Таким образом, когда вымышленное предисловие имитирует один из типов *серьезного предисловия* (например, «оригинального авторского»), то оно воспроизводит и все свойственные ему функции (такие как: утверждения ценности текста, его важности, новизны, правдивости автора, информирования об истории возникновения текста и его авторской интерпретации, и т.п.). Все эти функции, свойственные типу «оригинального авторского» предисловия в качестве его первичных функций, в составе *вымышленного предисловия* становятся его *вторичными функциями*. (Напомним, что первичной функцией вымышленного предисловия является обоснование *вымышленной атрибуции* текста.)

Таким образом, в качестве *вторичных* функций вымышленного авторского предисловия мы можем перечислить тот же ряд функций, который был выделен Ж. Женеттом применительно к типу «оригинального» авторского предисловия (и подробно рассмотрен нами выше).

Тип «отрицательных авторских» предисловий (*verneinende auktoriale Vorworte*). Тип вымышленных авторских предисловий Ж. Женетт делит на два подтипа: 1) «отрицательных авторских» и 2) фиктивных «авторских». Разница между ними заключается в типе «отправителя» предисловия. В первом случае «отправителем» предисловия является подлинный автор произведения, который выступает в предисловии от имени стороннего лица (чаще всего – издателя). Отрицаясь от авторства *текста* в пользу вымышленного автора, он все же присутствует в *паратексте* в качестве *автора предисловия* к своему сочинению. Что же касается предисловий второго подтипа (фиктивного «авторского»), то «отправителем» его является полностью вымышленный персонаж, не имеющий к подлинному автору никакого отношения.

Предисловия этого типа («отрицательных авторских») являются по своей форме *аллографическими* (т.е. написаны от имени стороннего лица) и в большинстве случаев имеют вид простой «издательской заметки» о публикуемом произведении. Само же произведение, как правило, предстает в виде обычного документа (автобиографического рассказа, дневника, переписки), написанного без какой-либо литературной цели, который якобы случайно попал в руки к «издателю» [Genette 1989: 267].

Первая из функций таких предисловий, говорит Ж. Женетт, состоит в том, чтобы объяснить, *при каких обстоятельствах* указанный текст попал к «издателю». По его словам, в «псевдоиздательских» предисловиях этого типа приводятся многочисленные и часто живописные подробности того, *каким образом* у него оказался этот текст [Genette 1989: 267]. В целом они складываются в более или менее развернутое сюжетное повествование, которое, в свою очередь, входит в общую повествовательную структуру романа. Таким образом, этот тип вымышленного предисловия становится составной частью повествовательной структуры романа, обрамляя его основной текст чем-то вроде повествовательной «рамы» [Genette 1989: 269].

Отметим, что подобные случаи нередко встречаются в предисловиях к романам немецких и русских романтиков. Например, как рассказывает Гофман, рукописный текст «Эликсиры сатаны» попал к нему от настоятеля монастыря капуцинов; а В. Ф. Одоевский

(в романе «4338 год») сообщает о записках, которые ему якобы передал китаец-магнетизер.

Вторая функция этого типа вымышленных предисловий, по словам Ж. Женетта, носит чисто «издательский» характер, сводясь к указанию на мнимые «опечатки» и «исправления» их в публикуемом тексте [Genette 1989: 269]. (Примеры этого типа находим, в частности, в «псевдоиздательском» предисловии Гофмана к «Житейским воззрениям кота Мурра».)

Третья функция этого типа предисловий заключается в том, чтобы дать *краткую биографию* вымышленного автора [Genette 1989: 269]. (Например, Гофман в романе «Элексиры Сатаны» приводит биографические сведения об авторе публикуемых им записок монахе Медарде. А Пушкин, в свою очередь, «присовокупляет» к повестям И. П. Белкина «краткое жизнеописание покойного автора», присланное его другом, «ненарадовским помещиком»).

Наконец, последняя функция предисловий этого типа, как указывает Ж. Женетт, заключается в том, чтобы дать *нравственно-ценностный комментарий* к тексту произведения [Genette 1989: 270]. (Эта функция представлена, в частности, в предисловии к роману «Герой нашего времени», в котором Лермонтов указывает на главные «болезни» современного ему общества).

Тип фиктивных «авторских» предисловий (*fiktive auktoriale Vorworte*), по мнению Ж. Женетта, встречается крайне редко. Он обнаружил его в романах Вальтера Скотта («Рассказы моего хозяина», «Айвенго» и др.), в которых усложненная «паратекстуальная игра в вымышленного автора» оказывается «наиболее увлекательной и новеллистической частью произведения»; что, в свою очередь, превращает предисловие в одну из сюжетных частей романного целого [Genette 1989: 271]. По форме предисловия этого типа представляют тип «авторского» предисловия (от 1-го лица), что отличает его от *аллографической* формы «отрицательных» авторских предисловий (от третьего лица). При этом функции обоих типов во многом сходны.

Образцы этого типа представлены фиктивным «авторским» предисловием пасечника Рудого Панька к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», а также предисловие «философа» И. М. Гомозейки к «Пестрым сказкам» В. Ф. Одоевского.

В заключение перечислим еще раз функции основных типов вымышленных авторских предисловий.

I. Общие функции вымышленных предисловий (*fiktionale Vorworte*):

1. *первичная функция*: обоснование вымышленной атрибуции произведения;
2. *вторичные функции* (связанные с имитацией формы «оригинального» авторского предисловия): те же, что и у «оригинального» авторского;

II. Функции типа «отрицательных авторских» предисловий (*verneinende auktoriale Vorworte*):

1. рассказ об обстоятельствах того, как текст попал в руки «издателя»;
2. указание на мнимые «опечатки» и их «исправления» («*псевдоиздательская*» функция);
3. сообщение биографических сведений о вымышленном авторе;
4. нравственно-ценностный комментарий к тексту;
5. включение предисловия в общую повествовательную структуру романа.

III. Функции типа фиктивных «авторских» предисловий (*fiktive auktoriale Vorworte*):

1. сообщение биографических сведений о вымышленном авторе;
2. рассказ об обстоятельствах того, как текст попал в руки «издателя»;
3. включение предисловия в общую повествовательную структуру романа в качестве одной из сюжетных частей.

Проблемой функциональных типов литературных предисловий на материале русской литературы XVIII–XIX вв. занималась О. Г. Лазареску [Лазареску 2007]. В целом ее работа посвящена диахроническому аспекту – литературной эволюции предисловий к сочинениям русских авторов XVIII–XIX вв. Но, помимо историко-литературного аспекта, в ней присутствуют и другие подходы к исследованию феномена «литературного предисловия», в том числе – коммуникативно-функциональный подход (что представляет для нашего исследования особый интерес).

Рассматривая феномен «литературного предисловия» в точки зрения ситуации коммуникации, исследовательница замечает, что в диалоге автора с читателем предисловие является одним из «важнейших ресурсов в установлении контактов с читателями» [Лазареску 2007: 37]. Причем способы ведения этого диалога в процессе литературной эволюции изменяются. Например, в XVIII в. автор использует предисловие для *прямого разъяснения* своих интенций читателю. Но уже в конце XVIII в. он надевает на себя литературную «маску», продолжая вести с читателем «игровой» диалог. Такой

способ коммуникации Лазареску именуется *игровыми* предисловиями. В них автор «ведет диалог» от лица вымышленного рассказчика, имитируя «чужое» сознание и «чужую» речь [Лазареску 2007: 33].

Особую роль в утверждении нового способа художественной коммуникации, по мнению Лазареску, сыграли романы Вальтера Скотта, которым были изобретены основные композиционные приемы предисловия нового типа. В работе Лазареску им уделено особое внимание. Перечислим наиболее важные из них:

1. В предисловии автор ведет непринужденную беседу с читателем, демонстрируя «короткие» взаимоотношения с ним; предвосхищает и предугадывает его оценки; иронически прерывает повествование, поддразнивая его каким-нибудь советом или объяснением.

2. Автор заключает «договор» с читателем о внимательном прочтении его предисловия и порой уличает его в невнимательности.

3. Автор мистифицирует читателя, придумывая в предисловии образы вымышленных рассказчиков или издателей, которые якобы случайно обнаруживают таинственные рукописи.

4. Автор рассказывает в предисловии краткие истории о своих героях, об обстоятельствах их жизни, нравах и т.п.

5. Автор высказывает суждения о недоброжелательной критике; временами эпатирует читателя, помещая нарочито уничижительные оценки собственных сочинений. [Лазареску 2007: 158-163].

При этом, как отмечает Лазареску, стиль общения автора с читателем сохраняет традиционную функциональность: он строится на декларировании автором своей позиции и литературных вкусов: «Мягкая настойчивость – так можно было бы охарактеризовать отношение автора «Уэверли» к своему читателю. <...> Тотальность его присутствия в текстах очевидна. Выражается она, прежде всего, неразличимостью стиля глав и предисловий, предпосланных им. «Предварительные заметки» к роману становятся «самим романом», а роман является их прямым продолжением» [Лазареску 2007: 158–159].

Увлечение романами В. Скотта пришлось в России на эпоху 20-30-х гг. XIX в. Здесь под его влиянием возникла целая плеяда исторических романистов, среди которых – А. Бестужев-Марлинский, А. Корнилович, М. Загоскин, Ф. Булгарин, Н. Полевой,

К. Масальский, В. Ф. Одоевский и др. Большинство из них была воспринята вальтерскоттовская манера написания предисловий – от лица вымышленного автора, ведущего со своим читателем непринужденную беседу.

Особое развитие жанр литературного предисловия получил в эпоху романтизма. При этом романтическая проза, как отмечает Лазареску, совсем не использует *игровых* предисловий вальтерскоттовского типа. «Предисловие к романтическому произведению в одинаковой степени уклоняется как от традиционного декларирования авторских идей, так и от использования авторской «маски»» [Лазареску 2007: 217, 349].

Отказавшись от использования в предисловии *игрового начала*, романтики перенесли основной смысловой акцент в сферу *параллелизма* двух планов – плана автора (в предисловии) и плана героя (в повествовании). Благодаря предисловию, считает Лазареску, в романтическом произведении «устанавливает связь между автором и героем на *уровне мироощущений*». В свою очередь, это создает условия для самопрезентации автора (или его личной предьявленности), а также для *соотнесения судеб автора и героя*, в котором автор видит свое второе «я» [Лазареску 2007: 209, 348].¹

Таким образом, говоря о функциях литературного предисловия, Лазареску выделяет следующие:

1. функцию *подготовки читателя* к восприятию художественного произведения, чему способствует препозитивное положение предисловия по отношению к основному тексту [Лазареску 2008: 12];
2. функцию *автопрезентации* – авторской предьявленности в предисловии, прямого выражения им своей жизненной и творческой позиции – авторского *комментирующего и направляющего* слова (для которого свойственна установка на *достоверность* изображаемого предмета и на его *нравственную полезность*);
3. функцию *занимательности* и *возбуждения* любопытства читателей;
4. *игровую* функцию, определяемую художественной установкой автора, которая делает предисловие одним из компонентов художественного текста. [Лазареску 2007: 32–34].

¹ Одновременно романтики развивали и другой тип предисловий: *теоретико-литературной, литературно-критической и публицистической* направленности [Лазареску 2007: 193].

Исходя из названных функций, О. Г. Лазареску выделила два функциональных типа авторских предисловий: *референтные* и *игровые*. В основу этой типологии ею положено «противопоставление *прямого (референтного)* слова автора и слова *художественного*». Референтные предисловия, как указывает исследовательница, «продолжают традиционную функциональность: комментирование, разъяснение смысла и интерпретацию произведения». В таких предисловиях, по ее словам, «акцентировано личное присутствие автора, мотивирующего свои художественные приемы и отстаивающего свою жизненную и творческую позицию». Авторская позиция «представлена в них в декларативной форме, художественное содержание произведения переведено на язык логических понятий. Автономность этих предисловий определяется их свободой от связей с фабулой и сюжетом самого произведения» [Лазареску 2007: 189].

По содержанию Лазареску подразделяет тип референтных предисловий еще на несколько видов: 1) собственно референтные (или *объясняющие*); 2) *литературно-критические*; 3) *литературно-полемические*, 4) *теоретические* (в которых представлена система эстетических воззрений автора) [Лазареску 2008: 33].

Ко второму типу – *игровых* предисловий – Лазареску относит предисловия с вымышленным автором, «имитирующие «чужое» сознание и стилизующие «чужую» речь» [Лазареску 2007: 189]. Она указывает на важное функциональное отличие этого типа, которое связано с художественной природой игрового предисловия. Оно заключается в том, что «из текста-сопровождения, переводящего художественное содержание произведения на язык логических концептов, предисловие переходит в разряд конструктивных элементов самого текста, становится его компонентом» [Лазареску 2007: 186]. Иначе говоря, игровое предисловие в силу своей художественной природы теряет свою автономность от основного текста и становится его неотъемлемой, художественно значимой, структурной частью [Лазареску 2007: 189].

Как отмечает исследовательница, обычно эти предисловия существуют в составе произведения изначально, с первого его появления в свет. Поэтому она называет их «стационарными». Тем самым она вводит еще один уровень классификаций предисловий, деля их на *стационарные* (предпосылаемые произведению с первого его появления в свет) и предисловия к *отдельному изданию* (или *нестационарные*). Этот уровень деления, по ее словам, связан с акцентированием автором *конкретно-исторического контекста*, связывающего предисловие к произведению со своим временем, с конкретной эпохой

[Лазареску 2008: С. 32]. Например, среди предисловий к произведениям Пушкина есть целый ряд таких, которые были написаны к *отдельным изданиям*: к отдельным главам «Евгения Онегина» (которые остались за рамками канонического текста 1833 г.), ко второму изданию «Руслана и Людмилы» (1828 г.), второму изданию «Кавказского пленника» (1828 г.) [Лазареску 2007: С. 225].

Наконец, что касается композиционно-смысловой структуры литературных предисловий, то о ней в своей книге исследовательница замечает: «Литературное предисловие – исторически подвижная форма. При этом предисловие не обладает признаками жанра – устойчивой модели в единстве структурных и содержательных элементов» [Лазареску 2007:16–17]. В автореферате своей докторской диссертации она выражает эту же мысль несколько иначе: «Предваряющее книгу авторское слово не имеет четких формальных (композиционных, стилистических и т. д.) и содержательных границ, его инвариантная структура предельно редуцирована» [Лазареску 2008: С. 12].

Столь неопределенный ответ на важный для нас вопрос связан, по-видимому, с недостаточной проработанностью этого аспекта в исследовании О. Г. Лазареску. Ответу на него будет посвящена вторая глава нашей работы.

ВЫВОДЫ ПО 1-Й ГЛАВЕ

Таким образом, в 1-й главе нами были рассмотрены теоретические вопросы, относящиеся к типологии текста, его членению и выделению минимальной текстовой единицы для анализа его семантической структуры – «коммуникативного блока» (согласно Е. А. Крижановской), или «коммуникативно-смыслового блока» (в терминологии С. Т. Нефедова), или «композиционно-прагматического сегмента» (согласно В. Е. Чернявской).

Что касается статуса предисловия, то мы вслед за немецкими и отечественными лингвистами рассматриваем его как особый тип текста. В основу настоящей работы было положено теоретическое исследование С. Т. Нефедова, посвященное изучению прототипической модели текста предисловия к научному тексту. Кроме того, были использованы отдельные идеи из монографий И.Р. Гальперина и Е. А. Баженовой, а также из литературоведческой работы О. Г. Лазареску, в которой жанр литературного предисловия рассматривается с точки зрения истории литературы и поэтики. Ряд ценных идей был

заимствован из рассмотренных выше работ В. Е. Чернявской, Л. Н. Григорьевой, И. А. Вороновской и Н. В. Понамаревой.

Первостепенное влияние на наше исследование оказала классическая монография Жерара Женетта. Как выяснилось при изучении истории вопроса, основные главы из его книги, посвященные анализу функций литературного предисловия, остались неизвестны отечественным исследователям и, по сути, лишь теперь вводится нами в научный оборот. Предисловие, согласно Жерару Женетту, является одним из важнейших паратекстов, обслуживающих основной текст (наряду с заглавием, эпиграфом, посвящением и т.п.). Оно характеризуется факультативностью и некоторой независимостью от основного текста, а также относительной автосемантией. Являясь паратекстуальным элементом, оно в значительной мере формирует читательское восприятие, направляя внимание и мысли читателей в заданном автором русле.

ГЛАВА 2. Коммуникативно-смысловая организация немецких и русских предисловий к литературному тексту

Раздел 1. Анализ коммуникативно-смысловых блоков текстотипа литературного предисловия.

Реализации коммуникативных функций предисловия, которым было уделено столько внимания в 1-й главе, подчинена и семантическая структура предисловия, и ее языковое воплощение. В предисловии к литературному произведению находят отражение точка зрения автора и его целеустановки, которые реализуются в акте коммуникации с читателем. Поэтому структурирование текста предисловия может осуществляться посредством выделения в нем коммуникативно-смысловых блоков, в каждом из которых отражена определенная целеустановка автора, являющаяся основной функцией данного КС-блока.

В выполненном нами исследовании 74-ти текстов предисловий немецких и русских авторов (40 – из немецкой литературы и 34 – из русской, список их приведен в Приложении) были выделены 12 коммуникативно-смысловых блоков, регулярно встречающихся в произведениях романтиков конца XVIII–первой трети XIX в. Каждому

из них свойственны: 1) собственная функция, 2) типовое тематическое содержание и 3) система повторяющихся лексических, синтаксических и стилистических маркеров.

Для каждого из КС-блоков нами были выявлены их специфические функции, которые представлены нами в следующей таблице:

	Коммуникативно-смысловые блоки	Коммуникативные функции
1.	«заглавие»	функция номинации предисловия
2.	КС-блок «адресации к публике»	функция задания коммуникативного дискурса через обращение автора к читателю
3.	КС-блок «снискания расположения читателя»	функция извинения автора за недостатки (<i>excusatio propter infirmitatem</i>) и снискания расположения читателя (<i>captatio benevolentiae</i>)
4.	КС-блок «договора о правде и вымысле»	функция утверждения правдивости и достоверности изображенного в основном тексте, и договор с читателем о «праве на вымысел»
5.	КС-блок «истории создания текста»	функция информирования читателя об обстоятельствах появления замысла и истории создания произведения
6.	КС-блок «представления авторских интенций»	функция интерпретации текста в соответствии с замыслом автора
7.	КС-блок «представления вымышленного автора и обстоятельств обретения издателем его текста»	функция обоснования вымышленной атрибуции произведения
8.	КС-блок, выполняющий функцию «пролога»	функция введения читателя в художественное пространство произведения
9.	КС-блок «исторического экскурса»	функция подготовки читателя к восприятию исторического повествования

10.	КС-блок «рассуждения о жанре произведения»	функция авторской рефлексии о художественной специфике созданного им текста
11.	КС-блок «характеристики языка произведения»	функция выражения идейно-эстетических установок автора (утверждения ценности родного языка)
12.	КС-блок «коммуникативной ориентации»	функция информирования читателя об авторе, времени и месте создания предисловия

По словам Ж. Женетта, функции предисловия как паратекста «не могут быть описаны теоретически или априорно»; они «составляют предмет в высшей степени эмпирический и в высшей степени многообразный, который нужно изучать с помощью индуктивного метода, жанр за жанром, а порой и опус за опусом». «Единственные значимые закономерности, которые, – по его словам, – можно внести в эту очевидную случайность, состоят в установлении отношений зависимости между функцией и статусом, что позволит точно определить различные виды функциональных типов...» [Genette 1989: 19–20].

Для решения этой задачи нам необходимо подробно исследовать взаимоотношение функций каждого из КС-блоков с его семантической структурой. При анализе их взаимоотношения мы будем опираться на методологию, предложенную Клаусом Бринкером в его монографии [Brinker, 1992]. Бринкер полагает, что при анализе типов текста следует учитывать ряд признаков: 1) контекстуальные, в которых указываются условия, в которых происходит коммуникация; 2) коммуникативно-функциональные, которые характеризуют тип текста с точки зрения намерений автора и читателя и 3) структурно-лингвистических [Brinker 1992: 132]. Первостепенным из этих признаков Бринкер считает коммуникативную функцию текста (Textfunktion), которая выражает «доминирующую коммуникативную интенцию отправителя», поскольку именно она и определяет модус коммуникации [Brinker 1992: 77].

По мнению К. Бринкера, специфика того или иного типа текста выражается не только в его текстовой функции (отражающей коммуникативную интенцию автора), но и в структуре содержания текста, в основе которой лежит тематическое ядро [Brinker 1992: 144]. Основными критериями ее анализа Бринкер считает тему текста (Textthema) и форму ее развертывания (Form der Themenentfaltung).

Рассмотрим семантическую структуру типа текста литературных предисловий как определенной последовательности коммуникативно-смысловых блоков. Приведем их в порядке следования в структуре текста, учитывая также регулярность их употребления.

1. КС-блок «заглавие»

Функция КС-блока «заглавие» – маркирование предисловия как структурно автономного, по отношению к основному, типа текста, как предтекста. Т.е. реализация этой функции обеспечивает предисловию особый текстовый статус, с которым приходится считаться читателю. КС-блок «заглавие» представлен в предисловиях к произведениям как немецких, так и русских романтиков в форме словесной номинации (как правило, «Vorwort»/«Предисловие»), которая выступает в функции текстотипологического идентификатора. В основе этого КС-блока лежит определенная коммуникативная стратегия автора, связанная с привлечением внимания читателя к предисловию как относительно самостоятельному предтексту, содержащему предварительную информацию об основном тексте.

В данном КС-блоке имеет место широкая вариативность заголовочного комплекса «предисловие». У немецких романтиков, наряду с доминирующим обозначением «Vorwort», встречаются также:

«Vorrede» (Brüder Grimm «Irische Elfenmärchen»), «Einleitung» (Achim von Arnim «Die Kronenwächter»)

«Prolog» (Friedrich Schlegel «Lucinde»)

«Einleitende Bemerkung» (Heinrich Heine «Der Doktor Faust. Ein Tanzpoem»)

«Vorwortlich», «Einleitend» (Adelbert Chamisso «Reise um die Welt»)

«Vorbemerkung» (Heinrich Heine «Die Göttin Diana»)

«Vorbericht» (Heinrich Heine «Die romantische Schule»; Ludwig Tieck «Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence»)

«kurze Vorerinnerung» (Ludwig Tieck «Die Geschichte von den Haimonskindern»)

Интересно отметить, что заголовочный комплекс может быть многоступенчатым, например, Генрих Гейне к сборнику статей «Französische Zustände» помещает два предисловия – «Vorrede» и «Vorrede zur Vorrede». Во втором он поясняет читателю резкость своего первого предисловия и причины написания предисловия к первому предисловию («Wie ich vernehme, ist die Vorrede zu den »Französischen Zuständen« in einer so verstümmelten Gestalt erschienen, daß mir wohl die Pflicht obliegt, sie in ihrer ursprünglichen Ganzheit herauszugeben»).

У некоторых авторов заголовочный комплекс в предисловиях и вовсе отсутствует как, например, в романе в письмах «Hollin's Liebeleben» Ахима фон Арнима, где автор выступает в роли посредника, который исполняет просьбу умирающего друга опубликовать его переписку («Ich bin nicht abergläubig, aber die Bitte eines Freundes ist mir heilig. Ich habe sie erfüllt: und ich wünsche dem Leser alle Freude, die mir das Buch mit der Erinnerung an den Freund geschaffen»).

В предисловиях отечественных романтиков чаще всего употребляется обозначение «**Предисловие**», однако также имеют место такие заголовочные комплексы как: «**Введение**» (Антоний Погорельский «Монастырка» (1830); «**От автора**» (М.Н. Загоскин «Рославлев или русские в 1812» (1830); «**Предуведомление**» (В.К. Кюхельбекер «Европейские письма» (1820); «**Вместо введения**» (В.Ф. Одоевский «Русские ночи» (1844); «**Вместо предисловия**» (Н.А. Полевой «Клятва при гробе Господнем» (1832).

Сопоставление немецко- и русскоязычного вариантов данного КС-блока показывает, что немецкоязычный вариант представлен большим разнообразием номинаций, что объясняется присутствием в немецком языке большего количества слов с близким значением («Einleitend», «Vorwort», «Vorwortlich», «Vorrede», «Vorbericht»), чем в русском.

2. КС-блок «адресации к публике»

В КС-блоке «адресации к публике» реализуется одна из основных функций литературного предисловия – установление неформального контакта с читателем. Как одна из главных функций текста (Kontaktfunktion) она была выделена Клаусом Бринкером (Brinker 2001: 107). Осуществлению этой функции способствует одна из часто используемых автором коммуникативных стратегий, которая заключается в его *прямом*

обращении к адресату. Например, обращением «Lieber Leser...» (наиболее часто используемое сочетание в немецких предисловиях) задается акт коммуникации как доверительной беседы. Как правило, блок «адресации» встречается в начале текста как его сильной позиции, тем самым оперативно включается в действие важная контактоустанавливающая функция.

С.Т. Нефедов, Л. Н. Григорьева пишут о целевом адресате научного текста, научной монографии, что связано, прежде всего, с ограниченной целевой аудиторией – кругом читателей. С.Т. Нефедов указывает на эту целевую аудиторию: студенты-лингвисты, филологи, преподаватели [Нефедов 2013: 200; Григорьева 2016: 47]. А у художественного текста целевым адресатом является широкий круг читателей – публика в целом. Ж. Женетт пишет о том, что автор, наряду с обобщенной публикой выделяет образ идеального читателя, на вкусы которого он ориентируется. Например, Бокаччо ориентируется на вкусы «прекрасных дам» [Женетт 1989: 9]. Другим адресатом является читатель реальный, конкретно-исторический, публика с ее вкусами и привычками [Анцыферова 2004:170].

Рассмотрим, как КС-блок «адресации» реализуется в предисловиях к произведениям немецких русских романтиков.

В качестве примера приведем начальный фрагмент из предисловия Л. Тика к роману «Peter Lebrecht. Eine Geschichte ohne Abenteuerlichkeiten»:

«**Lieber Leser**, du glaubst nicht, mit welcher innigen Wehmut ich dich diese Blätter in die Hand nehmen sehe, denn ich weiß es voraus, daß du sie wieder wegwerfen wirst, sobald du nur einige flüchtige Blicke hineingetan hast».

Семантическим маркером этого КС-блока в приведенном фрагменте предисловия является прямое обращение к читателю в форме словесной номинации: «Lieber Leser».

Рассмотрим в качестве другого примера использования этого КС-блока предисловие к сочинению Адальберта фон Шамиссо «Reise um die Welt»:

«Und, offenherzig gesprochen, das eben ist's, was mich veranlaßt, das Versäumte nachzuholen und an euch, **ihr Freunde und Freunde meiner Muse**, diese Zeilen zu richten. Ich bilde mir nicht ein, vor Fremden, sondern nur vor Freunden zu stehen, da ich von mir unumwunden zu reden und ein Hauptstück meiner Lebensgeschichte vorzutragen mich anschieke».

Другой вариант обращения к читателю встречаем в предисловии к сочинению Людвиг Тика «Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence»:

«Ist es dir wohl schon je, **vielgeliebter Leser**, so recht traurig in die Seele gefallen, wie betrübt es sei, daß das rauschende Rad der Zeit sich immer weiter dreht, und daß bald das zuunterst gekehrt wird, was ehemals hoch oben war?»

Маркерами этого КС-блока в двух приведенных фрагментах являются:

прямое обращение к читателю в форме словесной номинации – «ihr Freunde und Freunde meiner Muse»; «vielgeliebter Leser».

Данный блок активнее всего применяется Э. Т. А. Гофманом, который широко использует вариативные формы прямого обращения к читателю: чаще, чем «Lieber Leser...», у него встречаются более изысканные сочетания «günstiger Leser» и «geneigter Leser», сообщающие дополнительные оттенки коммуникации автор / читатель.

Приведем несколько примеров использования блока «адресации» в предисловиях к произведениям Э. Т. А. Гофмана:

«Gern möchte ich dich, **günstiger Leser!** unter jene dunkle Platanen führen, wo ich die seltsame Geschichte des Bruders Medardus zum ersten Male las» (E.T.A. Hoffmann. Die Elixire des Teufels).

«Worin **der geneigte Leser** so viel aus dem Leben des Herrn Peregrinus Tyß erfährt, als ihm zu wissen nötig» (E.T.A. Hoffmann. Meister Floh).

«Ein ganz vergebliches Mühen würd' es sein, wenn du, **o lieber Leser!** es unternehmen solltest, zu den Bildern, die einer längst vergangenen Zeit entnommen, die Originale in der neuesten nächsten Umgebung ausspähen zu wollen» (E.T.A. Hoffmann. Seltsame Leiden eines Theaterdirektors).

Интересно отметить, что Э. Т. А. Гофман, обращаясь к читателю, порой нарушает пунктуацию предложения, ставя восклицательный знак в середине предложения после «lieber Leser!», тем самым усиливая эмоциональность своего обращения и достигая поставленной цели - стать ближе читателю.

Семантическими маркерами данного текстового блока в приведенных образцах предисловий являются прямые обращения, словесные номинации типа «Lieber Leser» и ее вариативные формы: «günstiger Leser», «geneigter Leser» и др.

В ряде немецких предисловий встречается апелляция к строго определенному целевому адресату. Например, в предисловии к художественно-теоретическим очеркам В. Г. Ваккенродера «Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders» следует

обращение к молодым художникам или юношам, собирающимся посвятить себя искусству:

«Diese Blätter, die ich anfangs gar nicht für den Druck bestimmt, widme ich überhaupt nur **jungen angehenden Künstlern, oder Knaben, die sich der Kunst zu widmen gedenken**, und noch die heilige Ehrfurcht vor der verflossenen Zeit in einem stillen, unaufgeblähten Herzen tragen».

К определенному целевому адресату, «**den deutschen Leser**», обращается Г. Гейне в статье «Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland»:

«Ich muß **den deutschen Leser** darauf besonders aufmerksam machen, daß diese Blätter ursprünglich für eine französische Zeitschrift, die »Revue des deux mondes«, und zu einem bestimmten Zeitzweck abgefaßt worden».

Несколько иная картина, относительно КС-блока «адресации к публике», наблюдается в предисловиях к произведениям русских романтиков. Данный блок присутствует лишь в половине русских предисловий, где используется, в основном, не прямая форма обращения к читателю, выраженная прямой номинацией:

«Бесполезным считаю изъяснять **публике** причины того ожесточения, с которым преследуются все сочинения мои собратиями моими, русскими писателями. Покорный властям и закону в гражданском отношении, я в частной и литературной жизни моей не творю себе кумиров, не поклоняюсь и не служу им. Люблю правду и высказываю ее смело при всяком случае, печатно и изустно, а в литературе признаю господство не лиц, но изящного и им одним восхищаюсь» (Булгарин. Димитрий Самозванец).

Или:

«Может быть, **многим из читателей** моих не понравится фанатический характер и буйные речи одного из действующих лиц сего романа, которое под именем неизвестного, появляется в первой главе: в таком случае я покорнейше прошу их, не произнося решительного приговора, читать до конца мою повесть или, если это требование покажется им слишком нескромным, прочесть, по крайней мере, 7 главу второго тома» (Загоскин. Аскольдова могила).

КС-блок «адресации к публике» за редким исключением располагается обычно в первых абзацах предисловия как в немецких, так и в русских вариантах предисловий. Данный КС-блок довольно часто используется в немецких предисловиях и в меньшей степени – в русских. Из сопоставления приведенных выше примеров видно, что, в отличие

от русского, в данном КС-блоке в немецком варианте широко используются вариативные формы прямого обращения к читателю.

3. КС-блок «снискания расположения читателя»

Прагматическая функция данного КС-блока – снискать расположения читателя, установив с ним доверительную коммуникацию. В КС-блоке «снискание расположения читателя» («captatio benevolentiae») автор повышает статус читателя и смиренно принижает собственный статус, напрямую обращаясь к читателю с просьбой о снисходительности и даже благосклонности по отношению к его труду. Другой коммуникативной стратегией, к которой прибегает автор, является стратегия «извинительной» модальности, когда автор просит прощения у читателя за несовершенный труд свой, объясняя подобное недостатком таланта или некоторыми другими обстоятельствами. Таким образом, эмоциональной доминантой подобных прямых обращений к читателю часто становится извинение и самооправдание автора. Стратегию, служащую для расположения читателя, Ж. Жанетт образно определил как «молниеотвод» («Blitzableiter») [Genette 1989: 192].

В качестве примера рассмотрим фрагмент предисловия к сборнику стихов Генриха Гейне «Buch der Lieder»:

«Bescheidenen Sinnes und um Nachsicht bittend, übergebe ich dem Publikum das Buch der Lieder; für die Schwäche dieser Gedichte mögen vielleicht meine politischen, theologischen und philosophischen Schriften einigen Ersatz bieten».

Для снискания расположения читателя автор прибегает к особой коммуникативной стратегии - принимает позу «смирения», а также использует просительную модальность, заключающуюся в просьбе о снисходительном внимании читателя. Представленный здесь речевой акт представляется самотождественным: форма выражения тождественна форме содержания. Речевой акт, с использованием перформативного глагола «übergeben», представлен как этикетный акт передачи труда публике.

Функция этого КС-блока воплощается средствами выражения двух текстовых категорий - авторизации и адресации: текстовая категория авторизации передается в прямой форме (перформативный глагол «übergeben» 1-го лица ед. числа); адресации – в косвенной форме – «das Publikum».

Вместе эти текстовые категории отражают ситуацию, в которой коммуникативный акт представлен как этикетное событие торжественной передачи труда публике. В данном КС-блоке использованы этикетные формулы смирения и самоуничижения («Bescheidenen Sinnes und um Nachsicht bittend») – все то, что свойственно формуле «locus communis captatio benevolentiae» (читателя), что достигается через кенозис (самоумаление) автора.

Типичными маркерами данного КС-блока являются:

1. прямая номинация «das Publikum», которая выполняет функцию названия адресата;
2. модальное слово «vielleicht» и модальный глагол «mögen», которые являются словами «осторожного» представления автором самого себя в этикетном акте передачи труда публике. (Н.С. Сыроватская относит эти модальные слова к средствам «осторожного» выражения авторской позиции [Сыроватская 2009: 15; 42]);
3. лексемы, образующие семантическое поле со значением «скромности»: «bescheiden», «die Nachsicht».

Рассмотрим в качестве другого примера использования КС-блока «**снижение расположения читателя**» предисловие к сочинению Гофмана «Seltsame Leiden eines Theaterdirektors»:

«Benannter Herausgeber **bittet** dich, **o günstiger Leser!** nun **recht von Herzen**, daß du in diesem **Gespräch** nicht etwa tiefe, gelehrt gemeinte Diskussionen über theatralische Darstellung suchen, sondern die flüchtigen Bemerkungen, Andeutungen über das ganze Theaterwesen, wie sie sich eben im **Gespräch** zu erzeugen pflegen, ja auch wohl manchen zu lockern Scherz, der sich diebischerweise eingeschlichen, freundlich ohne weiteren Anspruch hinnehmen mögest».

Данное предисловие, согласно классификации Ж. Женетта, относится к типу вымышленных авторских предисловий, в котором реальный автор произведения предстает в маске «издателя». Отрицаясь от авторства *текста* в пользу вымышленного автора, он все же присутствует в *паратексте* в качестве *автора предисловия* к своему сочинению [Genette 1989: 267].

В данном фрагменте коммуникативный акт приводится в действие за счет прямого обращения к читателю («o günstiger Leser!») и использования перформативного глагола «bitten». Перформативный глагол сообщает коммуникативному акту иллокутивную силу

речевого акта «просьбы»: «...zu lockern Scherz, der sich diebischerweise eingeschlichen, freundlich ohne weiteren Anspruch hinnehmen mögest». Таким образом, в заданной коммуникации реализуется функция «снискания благорасположения читателя», восходящая к известному топосу «captatio benevolentiae». Одновременно автор прибегает к самоуничижению, называя написанное им ерундой, пустяками.

Характерными для данного КС-блока маркерами являются:

1. средства выражения адресации: «o günstiger Leser!», «du»;
2. перформативный глагол «bitten» (для выражения просьбы отнестись к автору и его труду по-дружески);
3. эмоционально-экспрессивная лексика: «recht von Herzen», «freundlich» для создания доверительного диалога с читателем, «задушевной беседы» с ним;
4. прямая номинация: «das Gespräch»
5. модальность: «wohl» (функция «осторожности» в выражении своей точки зрения).

Проанализируем КС-блок «снискания расположения читателя» в предисловии к роману Людвиг Тика «Franz Sternbalds Wanderungen»:

«Seit lange habe ich folgendes **Buch als das liebste Kind** meiner Muße und Phantafie gehegt und übergebe es nun **Dir, geliebter Leser**, mit dem Wunsche, daß es **Dir** gefallen **möge**. Wenn **Du** die Kunst liebst, so **erdulde** das **nachichtig**, was **Du** darüber gesagt findest. Am meisten habe ich bei diesem Werke meiner Laune an **Euch**, ihr Jünger der Kunst, gedacht, die **Ihr Euch** mit unermüdetem Streben zu den großen Meisterwerken hinandrängen wollet, die **Ihr Euer** wechselndes Gemüth und die wunderbaren Stimmungen die **Euch** beherrschen, nicht begreift, die **Ihr** gern die Widersprüche lösen möchtet, die **Euch** in manchen Stunden ängstigen. **Euch** widme ich diese Blätter mit besonderer Liebe und mit herzlichen Wünschen, daß **Euch** hie und da **vielleicht** eine Wolke schwindet, die **Eure** Aussicht verdeckte. **Man rechne** mir kleine chronologische Fehler nicht zu strenge **nach**, man **handle** dies kleine Buch nicht wie die Geschichte eines Staats. **Meine Schwächen** empfinde ich selber und wie ich **das Ideal** nicht erreichen kann, das in meinem **Innern** steht».

Маркерами данного КС-блока являются:

1. адресация, представленная в виде: а) обращения к читателю в форме прямой номинации («geliebter Leser»); б) в форме дейксиса, выраженного личным местоимением «Du» (в уважительной форме, выделенной графически); с) в форме императива: «erdulde»;

d) императивом «**man rechne** mir nicht zu streng **nach**»; «man **handle** nicht wie die Geschichte eines Staats»; в безличном предложении;

2. просьба о снисходительности, выраженная глаголом со значением «терпеть»: «*erdulden*» и наречием «*nachsichtig*»;

3. выражение самоуничижения («*Blitzableiter*») через оценочное противопоставление: «*meine Schwächen*» - «*das Ideal*». В целом, в этом предложении использованы три абстрактных существительных с возвышенной семантикой: *die Schwäche*, *das Ideal*, *das Innere*;

4. лексемы с эмоционально-экспрессивной коннотацией: а) употребляются в возвышенном стиле речи: глагол «*hegen*»; прилагательное «*geliebter*» (*Leser*), б) превосходная степень («*liebste*»), с) используется метафора: книга – дитя («*Buch als das liebste Kind*»), d) усилительная частица *zu* («*zu streng*»);

5. модальное слово «*vielleicht*» и модальные глаголы «*wollen*» и «*mögen*» (для выражения пожелания).

В Предисловиях к произведениям русских романтиков КС-блок «**снискания расположения читателя**» («*captatio benevolentiae*») имеет аналогичную смысловую структуру и сходные средства языкового выражения. В качестве примера приведем фрагмент из предисловия к пьесе В. Белинского «Дмитрий Калинин»:

«**Не знаю**, благосклонно ли примет публика мое сочинение; но ежели достоинство его равно тому **пламенному энтузиазму**, с которым оно писано, то труды мои не тщетны. Если хотя искра *того божественного огня*, *того животворного восторга*, которые оживляли меня, **как электричество**, сообщится **душе читателя** и ежели сочинение мое доставит ему *несколько приятных минут*, *несколько приятных впечатлений*, то я достиг моей цели. **Осмеливаюсь льстить себя сладостною надеждою**, что мое сочинение, **несмотря на свои недостатки**, как **первое в своем роде**, не будет лишним в нашей литературе, столь **бедной** драматическими произведениями, и удостоит своим вниманием **первый опыт** молодого студента».

Маркерами данного фрагмента служат:

1. адресация в форме номинации: «душа читателя». Цель – передать читателю частицу вдохновения – того «*божественного огня*», который оживлял, «как электричество», самого автора;

2. модальная частица «ли» со значением «этикетной неуверенности, сомнения»: «благодарю ли примет публика мое сочинение»;

3. лексемы со значением «самооправдания»: («сочинение, **первое** в своем роде в нашей литературе, столь **бедной** драматическими произведениями»);

4. просьба о снисходительности, выраженная глаголом и глагольно-именной конструкцией со значением «тайной надежды»: «осмеливаться», «льстить себя сладостною надеждою»;

5. лексема со значением «этикетного самоуничижения»: «недостатки»;

6. Эмоциональность выражается с помощью поэтических средств – эпитетов («*пламенный энтузиазм*», «*сладостная надежда*», «*бедная драматическими произведениями литература*»), сравнения («оживляли меня, как электричество»), синтаксического параллелизма («того божественного огня, того животворного восторга»; «несколько приятных минут», «несколько приятных впечатлений»).

КС-блок «**снискания расположения читателя**» в предисловии к пьесе В. К. Кюхельбекера «Шекспировы духи»:

«**Вполне** чувствую **недостатки безделки**, которую предлагаю здесь **снисходительному вниманию публики**».

Маркерами данного фрагмента служат:

1. адресация, представленная в виде непрямого обращения в форме прямой номинации: «публика»;

2. лексема «безделки» (уничижительное определение своей пьесы) с семантикой «то, что не заслуживает особого внимания».

3. Модальное слово «вполне», выраженное наречием, со значением «уточнения».

Аналогичные маркеры характерны и для данного КС-блока в предисловии к роману Н. Греча «Черная женщина», поэтому ограничимся тем, что выделим их полужирным курсивом:

«**Не знаю, понравится ли** вам моя Черная Женщина; **не знаю, как примет ее публика**; знаю только, что я **употребил все старание, все зависевшие от меня средства**, чтоб этот роман был **сколько-нибудь достоин внимания любителей русского чтения**. **Неудачу в целом припишу отсутствию во мне авторского таланта, недостатки и**

промахи, в частности, - неотвратимым моим обстоятельствам. Журналисту труднее, нежели всякому другому, заниматься сочинением книг: от ценителя чужих трудов читатели требуют гораздо более, нежели от иного, и все хотят быть судьями того, кто принял на себя звание судьи всех других».

Таким образом, для КС-блока «**снискание расположения читателя**» как в немецких, так и в русских предисловиях характерны следующие типичные маркеры: обращение к читателю в форме прямой или косвенной номинации «*geliebter Leser*», «*das Publikum*» (в русском варианте: «публика», «читатель», «любители русского чтения»); модальные слова «*vielleicht*», «*mögen*», «*wohl*» – т.е. слова «осторожного» представления автором самого себя и «осторожности» в выражении своей точки зрения (в русском варианте: модальное слово «вполне» со значением уточнения, модальная частица «ли»); эмоционально-экспрессивная лексика: «*recht von Herzen*», «*freundlich*», «*hegen*», «*geliebter*» (в русском варианте: «пламенный энтузиазм», «сладостная надежда», «животворный восторг»).

4. КС-блок «**договора о правде и вымысле**»

В данном КС-блоке содержится заверение автора в том, что рассказанная им история правдива. Кроме того, здесь же автор может сообщать и о том, что в романе есть место и вымыслу, о чем писал, в частности, Жерар Женетт (см. об этом выше в 3-м разделе 1-й главы нашей работы). Чаще всего этот КС-блок встречается в предисловиях к историческим романам и новеллам. Прагматической целью этого КС-блока можно считать утверждение автором ценности созданного им текста, написанного на конкретном историческом материале совершенно правдиво (но с известной долей художественного вымысла).

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из предисловия к историческому роману Вильгельма Гауфа «*Lichtenstein*»:

«...darum haben auch wir gewagt, ein historisches Tableau zu entrollen, das, wenn es auch nicht jene kühnen Umrissse der Gestalten, jenen **zauberischen** Schmelz der Landschaft aufweist, <...>, doch *eines* zur Entschuldigung für sich haben möchte, ich meine **die historische Wahrheit**».

Содержанием этого фрагмента является объяснение автором того, что в историческом романе непременно должны соблюдаться два условия:

1) во-первых, правдоподобие в изображении исторических лиц и исторических декораций («jene kühnen Umriss der Gestalten, jenen zauberischen Schmelz der Landschaft aufweist»);

2) и во-вторых, историческая правда («die historische Wahrheit»).

Первое условие предполагает за автором право на художественный вымысел, а второе обязывает его соблюдать негласный договор с читателем «об исторической правде».

Маркерами «аргумента правдивости» и «договора о вымысле» в данном КС-блоке служат:

1. прямая номинация «die Wahrheit» в сочетании с препозитивным атрибутом «historisch», которая служит своего рода свидетельством правдивости автора;

2. прилагательное «zauberisch» («jenen *zauberischen* Schmelz der Landschaft»), которое является одним из наиболее распространенных атрибутов художественного вымысла в произведениях немецких романтиков.

Аргумент «правдивости», как правило, сочетается с «договором» о праве автора на вымысел. В качестве примера приведем фрагмент из предисловия к сборнику новелл («Novellen») Вильгельма Гауфа:

«Sie sehen, ich habe keine Mühe gescheut, die Geschichten, die ich erzähle, so **glaubwürdig** als möglich zu machen. Es gibt freilich Leute, die mir, dieser **historischen Wahrheit** wegen, gram sind, und behaupten, **der echte Dichter müsse keine Straße, keine Stadt, keine bekannten Namen und Gegenstände nennen, alles und jedes müsse rein erdichtet sein**, nicht durch äußern Schmuck, sondern von innen **Wahrheit** gewinnen, und wie Mahomed's Sarg, **müsse es in der schönen, lieben, blauen Luft zwischen Himmel und Erde schweben**. Andere halten es vielleicht auch für »eine rechtswidrige **Täuschung** des Publikums«, und können mich darüber belangen wollen, daß ich behaupte, dies und jenes habe sich da und dort zugetragen, und ich könne doch keine **stadtgerichtlichen Zeugnisse beibringen**. Aber ist denn hier von **echter Poesie**, von **echten Dichtern** die Rede?

Darum lesen Sie, verehrter Herr! diese Geschichten, so **abenteuerlich** sie sein mögen, als **reine, treue Wahrheit**»

Здесь В. Гауф утверждает, что он следует исторической правде, но что в художественном произведении невозможно обойтись без вымысла. При этом, он полемизирует с двумя крайними точками зрения: сторонников «договора о вымысле» и

тех, кто требует доказательств «исторических фактов», изложенных в романе. Первым он иронически отвечает, что без исторической правды, правдоподобия в деталях, действие в новелле будет «in der schönen, lieben, blauen Luft zwischen Himmel und Erde schweben». Вторым оппонентам он напоминает, что они имеют дело с произведением художественного творчества и правом творца на вымысел.

Маркерами «аргумента правдивости» и «договора о вымысле» в этом КС-блоке служат:

1. лексемы, относящиеся к двум противопоставленным семантическим полям –
 - a) к семантическому полю со значением «исторической правды»: die historische Wahrheit; glaubwürdig; keine stadtgerichtlichen Zeugnisse beibringen; reine, treue Wahrheit;
 - b) к семантическому полю со значением «художественного вымысла»: rein erdichtet sein; der echte Dichter; echte Poesie; Täuschung; abenteuerlich.

Некоторые из перечисленных маркеров представляют собой прямые номинации понятий «исторической правды» и «художественного вымысла».

2. маркером «договора о вымысле» служит модальный глагол «müssen». В данном фрагменте он использован трижды с целью выразить точку зрения некоторых читателей, которые знают, что «должно» и что «не должно» изображать в соответствии с этим договором («der echte Dichter *müsse* keine Straße, keine Stadt, keine bekannten Namen und Gegenstände nennen, alles und jedes *müsse* rein erdichtet sein», «und wie Mahomeds Sarg, *müsse* es in der schönen, lieben, blauen Luft zwischen Himmel und Erde schweben»).

Вариацией темы «правдивости автора» может выступать тема «доверия» к нему читателя. Она представлена, в частности, в предисловии к рассказу Л. Тика «Der Fremde»:

«Ich flehe daher die Gutherzigkeit aller an, die diese Erzählung aufschlagen, mir doch ja **auf mein Wort zu glauben, nicht die Belege aus Akten zu fordern**, und einem Schriftsteller soviel **Ehrgefühl zuzutrauen**, daß er **nicht** eine ganze hochansehnliche Versammlung vorsätzlich **mit Lügen wird hintergehen wollen**. Ich hoffe, der Verfasser des Genius und der Memoir's des Grafen von G... hat nicht den **Schriftstellerglauben** so sehr durchlöchert, daß nicht noch mancher derbere Leser in dem Netze sollte stecken bleiben.»

Маркерами аргумента «правдивости» автора в этом фрагменте служат лексемы, представленные глаголами и существительными, относящиеся к семантическому полю «доверия к писателю» («Schriftstellerglaube»): «auf mein Wort zu glauben», «nicht die Belege

aus Akten zu fordern», «Ehrgefühl zuzutrauen», «daß er nicht mit Lügen wird hintergehen wollen».

Аналогичные места встречаются и у других исторических авторов. Например, Л. Тик в романе «Victoria Accorombona» пишет:

« <...> So war es denn dem Dichter erlaubt, **mit seinen Mitteln die Lücken** dieser sonderbaren Geschichte **auszufüllen** und **das Dunkel** derselben **mit poetischen Lichtern aufzuhellen**.

Vieles in diesem Roman ist aber **nicht erfunden**, sondern **der Wahrheit gemäß dargestellt**. So ermordete im Jahre 1576 in der Nacht des 11. Julius Pietro der Mediceer auf seinem Landhause seine Gemahlin Eleonore von Toledo, und den 16. Julius desselben Jahres starb auf dem einsamen Schlosse des Paul Giordano, Herzogs von Bracciano, dessen Gemahlin Isabella auf rätselhafte Weise».

Маркеры доказательств «правдивости автора» и «права на вымысел» выделены нами в тексте полужирным шрифтом.

В предисловиях русских авторов исторических романов данный КС-блок также встречается весьма часто и имеет аналогичные немецким маркеры речевого выражения. Поэтому прокомментируем один пример, а в других выделим маркеры «правдивости» и «договора о вымысле» полужирным курсивом.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из предисловия к историческому роману М. Н. Загоскин «Рославлев или русские в 1812 году»:

«Интрига моего романа основана на **истинном происшествии** — **теперь оно забыто**; но я **помню** еще время, когда оно **было предметом общих разговоров** и когда проклятия оскорбленных россиян гремели над главою несчастной, которую я назвал Полиною в моем романе».

Содержанием этого фрагмента является объяснение автором того, что в основе его романа лежит реальная история, случившаяся в 1812 г., которая со временем была забыта. В качестве аргумента правдивости истории, описанной автором, выступает его собственная память о том событии.

Маркерами аргумента «правдивости» автора в этом фрагменте являются:

1. прямая номинация «истинное происшествие»;

2. временные операторы, используемые для доказательства правдивости события: «теперь» (это событие забыто) – «я помню еще время» (со значением «тогда» об этом все знали), являющиеся контекстуальными антонимами («теперь» – «тогда»). Теперь не помнят, а тогда об этом событии много говорили;

3. антонимы «забыть» – «помнить» с семантикой «памяти», которые выступают смысловыми акцентуаторами данного фрагмента, подтверждающими достоверность рассказанной истории (память автора сохранила эту печальную историю любви);

4. лексемы, относящиеся к семантическому полю со значением достоверности «несчастной истории»: «разговоры», «проклятия», «гремели», «оскорбленные», «несчастливая глава», которые служат подтверждением достоверности знания автора.

В качестве другого примера приведем фрагмент из предисловия к роману А. А. Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга»:

«Течение моей повести заключается между половинами 1396 и 1398 годов (считая год с первого марта, по тогдашнему стилю). Все **исторические происшествия** и лица, в ней упоминаемые, представлены с **неотступною точностию**, а *нравы, предрассудки и обычаи* **изобразил** я, по соображению, **из преданий и оставшихся памятников**».

Для полноты представления о КС-блоке «договора о правдивости автора» в его русском варианте приведем фрагмент из исторического романа Ф. В. Булгарин «Мазепа»:

«**Исторические события**, рассказываемые от имени автора, **верны**; но в происшествиях **не соблюдено в точности хронологического порядка**, ибо цель романа, как выше сказано, есть изображение характера Мазепы, а не история Малороссии».

Таким образом, общими для немецких и русских предисловий маркерами данного КС-блока являются: прямая номинация «die Wahrheit», которая служит своего рода свидетельством правдивости автора, (в русском варианте: прямая номинация «истинное происшествие»); лексемы, относящиеся к семантическому полю со значением «исторической правды»: «die historische Wahrheit», «glaubwürdig», «keine stadtgerichtlichen Zeugnisse beibringen», «reine, treue Wahrheit» (в русском варианте: лексемы, относящиеся к семантическому полю со значением невыдуманной «несчастной истории»: «разговоры», «проклятия», «гремели», «оскорбленные», «несчастливая глава», которые служат подтверждением достоверности знания автора о случившемся происшествии).

Следует отметить, что КС-блок «аргумента правдивости автора и договора о его праве на вымысел» в предисловиях немецких романтиков объемнее, насыщеннее по

речевым средствам выражения и разнообразнее по маркерам. В русском варианте данного КС-блока практически отсутствует вторая его составляющая, а именно «договор о праве автора на вымысел». В немецких же предисловиях она представлена широко и вариативно с точки зрения ее речевых средств выражения. К маркерам этой смысловой составляющей данного КС-блока относятся, например: прилагательное «zauberisch» («jenen zauberischen Schmelz der Landschaft»), которое является одним из часто используемых атрибутов художественного вымысла в сочинениях немецких романтиков; лексемы, относящиеся к семантическому полю со значением «художественного вымысла»: «rein erdichtet sein», «der echte Dichter», «echte Poesie», «Täuschung», «abenteuerlich»; маркером «договора о вымысле» служит модальный глагол «müssen».

5. КС-блок «история создания текста и указание на источники»

В этом КС-блоке реализуется текстовая категория авторизации, которая, как указывает Е. А. Баженова, «эксплицируется не только лексическими и синтаксическими операторами, но и развернутыми коммуникативными блоками» (Баженова 2001: 193, 204). Одним из них, по нашему мнению, является КС-блок «истории создания текста». Обычно он включает в себя рассказ об обстоятельствах истории создания произведения: чаще всего, о том, как возник замысел сочинения. Коммуникативно-прагматическая цель данного КС-блока заключается в том, чтобы заинтересовать читателя историей создания произведения и тем самым побудить его к прочтению. При этом автор чаще всего задает «интимизированный характер изложения» (Баженова 2001: 194) с целью превратить просто «читателя» в «читателя-друга».

Рассмотрим в качестве примера фрагмент новеллы Людвиг Тика «Der junge Tischlermeister»:

«Es ist ein bekanntes Sprichwort: daß auch Bücher, größere wie kleinere, ihre Schicksale haben. So waren es nur unvermuthete Hindernisse, Störungen und Zufälle, welche veranlaßten, daß gegenwärtige **Novelle** nicht schon **vor vielen Jahren** den Lesern mitgetheilt wurde. Der **Plan** zu dieser **Erzählung** ist geradezu einer meiner **frühesten Entwürfe**, denn er *entstand* schon **im Frühjahr 1795**. Der Wunsch, klare und bestimmte Ausschnitte unsers ächten deutschen Lebens, seiner Verhältnisse und Aussichten wahrhaft zu zeichnen, *regte* sich lebhaft in mir. **Cervantes Novellen** hatten mich schon **damals begeistert**. Manche andere Entwürfe

wurden ausgeführt, und drängten diese Novelle, welche meine **früheste** war, und den Anlaß zu den **späteren** gab, zurück. **Erst im Jahre 1811** begann ich die **Ausarbeitung**, die **jetzt** sich mehr **ausdehnte** und bunter **ausfiel**, als es im **ersten Entwurfe** lag. Rasch **schr**itt ich **vor**, und **damals**, **wenn das Werk geendigt worden**, war mancher Gedanke über Zünfte, Bürgerlichkeit und dergleichen mehr an der Tagesordnung; vieles gewissermaßen neu und noch unbesprochen. Die Ruhe aber **fan**d sich nicht, um die **Aufgabe** zu **vollenden**, doch **wurde** schon **im Jahre 1819** das, was **geschrieben war**, **der Presse übergeben**, und ich **hoffte**, **mit dem Sommer** meinem befreundeten **Verleger das ganze Werk**, dessen **Druck** er sogleich **begann**, übersenden zu können. Diese **Erfüllung** ist aber **jetzt erst eingetreten**, und so **bietet sich nun die Erfindung**, so **früh begonnen**, so oft **verzögert** und so **spät vollendet**, dem Wohlwollen des Lesers».

В данном КС-блоке соотнесены три временных плана: настоящее, прошедшее и предпрошедшее время. Точкой отсчета в нем является настоящее время (представленное в самом конце блока: “so bietet sich nun die Erfindung dem Wohlwollen des Lesers”). Но основной темпоральностью данного блока является прошедшее время, выраженное претеритом и плюсквамперфектом в сочетании с наречиями времени (*damals, spät*). (Глагольные формы прошедшего времени выделены в приведенном примере курсивом.)

Типичными маркерами данного КС-блока являются «сигналы» временной соотнесенности, которые выражаются различными способами:

1. наречиями с семантикой времени: *damals, jetzt, nun, früh, spät* (в тексте они представлены как противопоставления: *damals VS jetzt; früh VS spät*);
2. предложно-падежными конструкциями с семантикой времени: *vor vielen Jahren, im Frühjahr 1795, im Jahre 1811, mit dem Sommer*;
3. подчинительным союзом с временным значением: *wenn*;
4. количественными числительными, с помощью которых обозначены годы, когда создавалось произведение: *(im Frühjahr) 1795, (im Jahre) 1811, (im Jahre) 1819*;
5. прилагательные (в превосходной и сравнительной степени) со значением времени: *einer meiner frühesten (Entwürfe); diese Novelle, welche meine früheste war; den Anlaß zu den späteren gab*.

Другими маркерами, характерными для КС-блока «*истории создания текста*», являются лексемы, обозначающие **этапы работы над книгой**. Они представлены:

- а) глаголами, глагольными конструкциями или отглагольными существительными соответствующей семантики: *entstehen, beginnen, verzögern, vollenden; die Aufgabe*

vollenden, der Presse übergeben, den Druck beginnen; Entwürfe, Ausarbeitung, Erfüllung, Erfindung. (В своей совокупности они образуют тематическое поле «процесса создания произведения».)

b) лексемами, называющими литературные произведения в форме прямой номинации: die Novelle, die Erzählung, das Werk, die Erfindung;

c) лексемами, относящимися к процессу издания книги: die Presse, der Druck, der Verleger;

Кроме того, для данного КС-блока характерны также маркеры, отсылающие к источникам произведения. Как правило, они выражены прямой номинацией (например, в данном случае: «Cervantes Novellen hatten mich schon damals begeistert»).

Как правило, в КС-блоке «история создания текста» присутствует еще один мотив – обращения к читателю с целью заинтересовать его историей создания произведения и тем самым побудить к его прочтению («...so bietet sich nun die Erfindung **dem Wohlwollen des Lesers**»).

Аналогичные маркеры данного КС-блока встречаются в предисловиях и других немецких романтиков – Гофмана («Seltsame Leiden eines Theaterdirektors»), К. Брентано («Aus der Chronika eines fahrenden Schülers») и др.

Рассмотрим, как данный КС-блок представлен в предисловиях к произведениям русских авторов.

В качестве примера приведем фрагмент из предисловия к роману В. Ф. Одоевского «4338-й год»:

«Таким образом он переносится в какую угодно страну, эпоху или в положение какого-либо лица почти без всяких усилий; его природная способность, изощренная долгим упражнением, позволяет ему **рассказывать** или **записывать** все, что представляется его магнетической фантазии; проснувшись, он все забывает и сам по крайней мере с любопытством **прочитывает написанное**. Вычисления астрономов, доказывающих, что **в 4339 году**, то есть **2500 лет после нас**, комета **Вьелы** должна непременно встретиться с Землею, сильно **поразили** нашего сомнамбула; ему **захотелось проведать**, в каком положении будет находиться род человеческий **за год до** этой страшной минуты; какие об ней будут толки, какое впечатление она произведет на людей, вообще какие будут **тогда нравы, образ жизни; какую форму получат сильнейшие чувства человека: честолюбие, любознательность, любовь**; с этим намерением он

погрузился в сомнамбулическое состояние, продолжавшееся **довольно долго**; **вышедши** из него, сомнамбул **увидел** пред собою **исписанные листы бумаги**, из которых узнал, что он **во время** сомнамбулизма был **китайцем XLIV столетия**, путешествовал по России и очень усердно переписывался со своим другом, оставшимся в Пекине».

Маркерами данного КС-блока являются «сигналы» временной соотнесенности, которые выражаются различными способами:

1. наречиями и предлогами с семантикой времени: «вовремя», «за год до», «тогда», «после»;

2. количественными числительными с семантикой времени: XLIV столетие, 4339 год, 2500 лет после нас;

Другими маркерами этого КС-блока служат:

1. лексемы, обозначающие этапы работы над сочинением: «рассказывать», «записывать», «прочитывать»; «погрузиться», «вышедши увидел»;

2. развернутая глагольно-именная группа с семантикой «завершения процесса создания произведения»: «исписанные листы бумаги», «написанное»;

3. тематическое поле с семантикой «предыстории создания произведения»: «комета Вьелы», «Земля», «поразило», «захотелось проведать», «нравы, образ жизни», «сильнейшие чувства человека», «честолюбие», «любопытность», «любовь»;

В качестве другого примера рассмотрим фрагмент набросков предисловия к трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»:

«Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. *Источники богатые!* Умел ли ими воспользоваться — не знаю, — по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны».

Маркерами этого КС-блока служат:

1. тематическое поле с семантикой «предыстории создания произведения»: Шекспир, Карамзин, «старые летописи», «изучение», «дало мне мысль», «облечь в драматическую форму», «одна из самых драматических эпох»;

2. лексемы со значением «следования источникам»: «подражал», «следовал», «старался угадать», «влияние»;

3. маркеры, отсылающие к источникам произведения, выраженные прямой номинацией: «**Шекспиру** я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов», «**Карамзину** следовал я в светлом развитии происшествий», «в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени»;

4. лексема со значением «оценки источников»: «источники богатые».

Таким образом, общими для немецких и русских предисловий маркерами данного КС-блока является целый ряд языковых средств выражения с семантикой времени: наречия с семантикой времени – «damals», «jetzt», «nun», «früh», «spät» (в русском варианте: «довольно долго», «во время», «после нас», «за год до»; «тогда»); предложно-падежные конструкции с семантикой времени – «vor vielen Jahren», «im Frühjahr 1795», «im Jahre 1811», «mit dem Sommer»; прилагательные со значением времени – «einer meiner frühesten (Entwürfe)»; «diese Novelle», «welche meine früheste war»; «den Anlaß zu den spätern gab»; количественные числительные для обозначения времени создания произведения – (im Frühjahr) 1795, (im Jahre) 1811, (im Jahre) 1819 (в русском варианте: «XLIV столетие», «4339 год», «2500 лет после нас»; лексемами, относящимися к процессу издания книги: die Presse, der Druck, der Verleger; лексемами, называющими литературные произведения в форме прямой номинации: «die Novelle», «die Erzählung», «das Werk, die Erfindung»; маркеры, отсылающие к источникам произведения, выраженные прямой номинацией: «Cervantes Novellen hatten mich schon damals begeistert») (подобное видим и в русском варианте: «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов»).

При общем сходстве маркеров этого КС-блока состав их в немецких и русских предисловиях может варьироваться. В русских предисловиях, в отличие от немецких, часто встречается маркер, заданный тематическим полем с семантикой «предыстории создания произведения». Этот маркер присутствует, например, в двух рассмотренных нами фрагментах предисловий – к роману В.Ф. Одоевского «4338-й год» и трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

6. КС-блок «представления авторских интенций»

Основная функция данного КС-блока – донести до адресата идейно-художественный замысел автора, создать благоприятные условия для объективного восприятия и интерпретации основного текста. Таким образом, цель этого КС-блока заключается в том, чтобы познакомить читателя с авторской интерпретацией текста и направить его по пути авторского истолкования текста. Эта цель достигается с помощью экспликации авторских интенций. Обоснование этих необходимых коммуникативных действий автора находим, например, в предисловии В. Кюхельбекера к драме «Ижорский»: «<... >, нельзя осудить писателя, когда он постарается указать публике ту точку зрения, с коей смотрел он на предмет свой».

КС-блок «представления авторских интенций» является одним из самых важных в содержательной структуре предисловия, т.к. функция разъяснения авторского замысла является одной из двух главных функций предисловия.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент одного из двух «авторских» предисловий к роману Э.Т.А. Гофмана «Lebensansichten des Katers Murr» (так называемое «Unterdrücktes Vorwort des Autors»). Оно написано от лица его вымышленного «автора» кота Мурра. Нисколько не соблюдая необходимую в этом случае этикетную скромность, автор обращается к читателю (ко всему миру!), излагая основную интенцию созданного им текста:

«Mit der Sicherheit und Ruhe, die *dem wahren Genie* angeboren, **übergebe ich der Welt meine Biographie, damit sie lerne**, wie man sich zum *großen Kater* bildet, *meine Vortrefflichkeit im ganzen Umfange erkenne*, mich **liebe, schätze, ehre, bewundere** und ein wenig **anbete.**»

В этом фрагменте речь идет о презентации «автобиографии» кота Мурра. «Автор» предисловия прямо, без утайки, выражает в нем свою основную «авторскую» интенцию – снискание славы (в чем и состоит ирония подлинного автора).

Основными маркерами, выражающими интенцию «автора» в этом КС-блоке, являются:

1. Перформативный глагол «**übergeben**», обладающий особой иллокутивной силой превращать коммуникативный акт в речевое действие («**ich übergebe der Welt meine**

Biographie)), единственным содержанием которого является передача «миру» написанного автором текста – своей биографии.

2. Объясняя основную цель создания этого текста, автор использует сложноподчиненное предложение с **придаточным цели** (маркером которого является союз «**damit**»).

3. Предикатами этого придаточного предложения служит цепочка глаголов, объединенных в общее семантическое поле со значением «познания» и «восхищения» (**damit sie lerne – erkenne - liebe - schätze – ehre - bewundere - anbete**), которая служит для выражения общей цели этой пропозиции – сникания автору всеобщей известности, что в полной мере соответствует основной интенции автора.

4. Выражению этой же авторской интенции служит еще целый ряд маркеров – лексем, объединенных в сематическое поле со значением «величия»: *der wahre Genie, (ich übergebe) der Welt, der große Kater, meine Vortrefflichkeit, im ganzen Umfange* (в приведенном выше фрагменте они выделены курсивом).

5. Выражению той же интенции служит еще один маркер – риторический прием «градации»: **damit sie lerne – erkenne – liebe – schätze – ehre – bewundere – anbete**.

Приведем еще один краткий пример КС-блока «представления авторских интенций», который взят нами из предисловия к роману Л. Тика „Victoria Accorombona“:

«Ein Gemälde der Zeit, des Verfalls der italienischen Staaten, sollte das Seelengemälde als Schattenseite erhellen und in das wahre Licht erheben. Diese Vittoria oder Virginia Corombona oder Accorombona wird, so hofft der Dichter, die Herzen der reinen und starken Gemüter für sich gewinnen ...»

Авторская интенция представлена в этом фрагменте с помощью трех эксплицитно выраженных пропозиций, отражающих намерения автора: 1. «das Seelengemälde als Schattenseite erhellen»; 2. дать им оценку («in das wahre Licht erheben»); 3. представить героиню в качестве нравственного образца для читателей («wird die Herzen der reinen und starken Gemüter für sich gewinnen»). Для ввода этих пропозиций служат следующие маркеры:

1. Модальный глагол долженствования «sollen», использованный здесь для выражения авторского намерения обличить нравственные пороки общества. Этот маркер часто используется для выражения авторского намерения как у немецких, так и у русских

авторов (см. далее пример из предисловия к роману В. К. Кюхельбекера «Европейские письма»).

2. Вводное предложение со значением авторского намерения: «so hofft der Dichter». Оно маркирует ввод авторской интенции в форме прямой номинации.

Обратим внимание на то, как этот КС-блок реализуется в предисловиях к произведениям русских романтиков.

В качестве примера рассмотрим фрагмент из предисловия к роману М. Н. Загоскина «Рославлев или русские в 1812 году», в котором автор излагает основные интенции, созданного им текста:

«Предполагая сочинить эти два романа, я **имел в виду** описать русских в две достопамятные исторические эпохи, сходные меж собою, но разделенные двумя столетиями; я **желал доказать**, что хотя наружные формы и физиономия русской нации совершенно изменились, но не изменились вместе с ними: наша непоколебимая верность к престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне».

В данном фрагменте внимание читателя сфокусировано на двух основных авторских интенциях: первая из них обращает внимание читателя на то, что в задачу автора входило представить историю своих героев на широком фоне двух исторических эпох XIX и XVII вв.; вторая – патриотическая интенция, суть которой заключается в том, что основополагающие ценности народа не меняются со сменой исторических эпох.

Данный фрагмент представляет собой КС-блок «*представления авторских интенций*». Автор прямо заявляет в предисловии о своих намерениях: «я имел в виду ...»; «я желал доказать ...». Формулируя интенцию, вместе с тем он дает и интерпретацию своего произведения. Интенции и интерпретация автором своего текста, раскрывая авторский замысел, придают особую иллокутивную силу предисловию, задают читателю код прочтения текста.

Основными маркерами, выражающими интенции «автора» в этом КС-блоке, являются синтаксические конструкции, выраженные глаголами прошедшего времени с инфинитивом со значением «намерения»: «имел в виду описать», «желал доказать».

Другим примером использования КС-блока «представления авторских интенций» служит предисловие к роману В. К. Кюхельбекера «Европейские письма»:

«Архимед говорил: дайте мне точку вне земли, и я сдвину землю с ее оси. Сохрани нас боже от таковой мысли! Но чтоб судить о современных происшествиях, нравах и вероятных их последствиях, **должно мысленно перенестись** в другое время. В "Европейских письмах" мы **предполагаем**, рассматривая события, законы, страсти и обыкновения веков минувших, **быстрым взглядом окинуть** и наш век. Посему мы мысленно перенесемся в будущее: американец, гражданин северных областей, путешествует в XXVI столетии по Европе; она уже снова одичала, и наблюдатель-странник пишет к своему другу о прошлой славе, о прошлом величии, о прошлом просвещении».

В данном фрагменте высказывается мысль о том, что объективно о настоящей и прошедших исторических эпохах можно судить лишь с удаленной временной дистанции. В качестве образного подтверждения своей мысли Кюхельбекер приводит цитату из Архимеда. Именно поэтому главный герой романа – американец XXVI столетия, путешествующий по европейским странам, от лица которого и ведется повествование. Оформлению этой мысли и служат авторские интенции.

Основными маркерами, выражающими интенцию автора в этом КС-блоке, являются:

1. конструкция с семантикой модальности долженствования: «должно перенестись»;

2. объясняя основную цель создания этого текста, автор использует сложноподчиненное предложение с придаточным цели (маркером которого является союз «чтоб»).

2. глагольно-именная конструкция с семантикой «намерения»: «предполагаем окинуть быстрым взглядом»;

Таким образом, для данного коммуникативного блока в немецких предисловиях характерны следующие **маркеры**: **перформативный глагол** «übergeben», обладающий особой иллокутивной силой превращать коммуникативный акт в речевое действие; сложноподчиненное предложение с **придаточным цели** (маркером которого является союз «damit»); **семантическое поле**, включающее ряд глаголов (damit sie lerne – erkenne – liebe – schätze – ehre – bewundere – anbete) **со значением «познания» и «восхищения»**, цель которого повысить статус автора; лексемы, объединенные в **семантическое поле со**

значением «величия»: der wahre Genie, (ich übergebe) der Welt, der große Kater, meine Vortrefflichkeit, im ganzen Umfange; риторический прием «градации»: damit sie **lerne – erkenne – liebe – schätze – ehre – bewundere – anbete**; **модальный глагол долженствования** «sollen», использованный для выражения авторского намерения.

Сходные маркеры отмечаются и в русских предисловиях: глагольные конструкции с семантикой «намерения» («предполагая сочинить», «желал доказать», «имел в виду описать») для выражения авторской интенции; с помощью модальности долженствования: «должно перенестись».

Следует отметить, что КС-блок «представления авторских интенций» в предисловиях немецких романтиков насыщеннее, по сравнению с русским его вариантом, по речевым средствам выражения и разнообразнее по маркерам.

7. КС-блок «представления вымышленного автора и указание на обстоятельства получения текста»

В КС-блоке «представления вымышленного автора и указание на обстоятельства получения текста» реализуется функция «обоснования вымышленной атрибуции произведения». Прагматическая цель данного КС-блока - выдать вымышленного автора за реального создателя текста так убедительно, чтобы в это поверил читатель. Для достижения этой цели автор, скрывающийся за маской издателя, использует ряд коммуникативных стратегий: создание как можно более «правдоподобной» версии, объясняющей, каким образом и при каких обстоятельствах рукопись попала к издателю; представление краткой биографии или отдельных сведений о личности вымышленного автора с использованием убедительных деталей, которые и придают мистификации «правдоподобие».

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из предисловия к роману Ахима фон Арнима «Hollin's Liebeleben»:

«Ein Freund **bat** mich auf seinem Sterbebette **um die Erfüllung einer Bitte**. Ich **versprach**, ohne einen Augenblick mich zu besinnen, da **das Flockenlesen** und **andere Zeichen** den nahenden Tod verrieten. Mit der Anstrengung aller übrigen Kraft zog er **ein kleines Bündel Schriften aus dem Überzuge des Kopfkissens** hervor und gab es mir **mit dem Auftrage**, zur **Verheimlichung des Verfassers das Buch** unter meinen Namen **drucken zu lassen**; dann **drückte** er mir die Hand und starb ruhig. –

Ich bin nicht abergläubig, aber **die Bitte** eines Freundes ist mir heilig. **Ich habe sie erfüllt**: und ich wünsche dem Leser alle Freude, die mir das Buch mit der Erinnerung an den Freund geschaffen.»

Основными маркерами, служащими для реализации основной прагматической функции данного КС-блока, являются:

- 1) нарративная форма повествования с предикатами в форме претерита;
- 2) лексема «der Freund» для номинации вымышленного автора;
- 3) лексемы со значением «сочинение»: die Schriften, das Buch;
- 4) цепочка глаголов, объединенных в общее семантическое поле со значением «просьбы и ее выполнения»: *bat um die Erfüllung* einer Bitte – ich *versprach* – ich habe sie *erfüllt*;

5) детали: конкретные имена существительные в сочетании с атрибутирующими их прилагательными и глаголы, обозначающие конкретные действия, служащие для изображения деталей, убеждающих читателя в правдивости этой истории: «das Flockenlesen und andere Zeichen», «mit der Anstrengung aller übrigen Kraft», «ein kleines Bündel», «zog aus dem Überzuge des Kopfkissens», «drückte er mir die Hand».

В качестве другого примера рассмотрим фрагмент из предисловия к роману Э. Т. А. Гофмана «Lebensansichten des Katers Murr»:

«Besagter Herausgeber hat einen Freund, mit dem er ein Herz und eine Seele ist, den er ebenso gut kennt, als sich selbst. Dieser **Freund** sprach eines Tages zu ihm ungefähr also: «Da du, mein Guter, schon manches **Buch** hast drucken lassen und dich auf Verleger verstehst, wird es dir ein leichtes sein, irgendeinen von diesen wackern Herren aufzufinden, der auf deine Empfehlung etwas druckt, was ein junger Autor von dem glänzendsten Talent, von den vortrefflichsten Gaben vorher aufschrieb. Nimm dich des Mannes an, er verdient es.»

Der Herausgeber **versprach**, sein Bestes zu tun für den schriftstellerischen Kollegen. Etwas verwunderlich wollt es ihm nun wohl bedünken, als sein Freund ihm gestand, daß **das Manuskript** von einem Kater, Murr heißen, herrühre und dessen Lebensansichten enthalte; **das Wort** war jedoch **gegeben**, und da der Eingang der Historie ihm ziemlich gut stilisiert schien, so lief er sofort, mit dem Manuskript in der Tasche, zu dem **Herrn Dümmler Unter den Linden** und proponierte ihm den Verlag des **Katerbuchs**.»

Основными маркерами данного КС-блока, являются:

1. нарративная форма повествования с предикатами в форме претерита для изображения этой истории (в нарратив для большей достоверности включено высказывание в форме прямой речи);

2. лексема «der Freund» и имя собственное «Kater Murr» для прямой номинации вымышленного автора и его посредника;

3. лексема со значением «рукописи»: das Manuskript, das Katerbuch;

4. цепочка глаголов, объединенных в общее семантическое поле со значением «обещания»: versprechen, das Wort geben;

5. использование собственных имен людей и улиц для уверения читателя в правдивости рассказанной истории: Herr Dümmler, Unter den Linden

Приведем еще один пример из предисловия к роману Э. Т. А. Гофмана «Die Elixiere des Teufels»:

«Als **ich** mich einst in diesem **Kloster** einige Tage aufhielt, **zeigte** mir der ehrwürdige **Prior** die von dem **Bruder Medardus** nachgelassene, **im Archiv aufbewahrte Papiere als eine Merkwürdigkeit**, und nur **mit Mühe überwand** ich des Priors Bedenken, sie mir mitzuteilen. Eigentlich, meinte **der Alte**, hätten diese **Papiere** verbrannt werden sollen. – **Nicht ohne Furcht**, du werdest des Priors Meinung sein, gebe ich dir, günstiger Leser! nun das aus jenen **Papieren** geformte **Buch** in die Hände».

Типичными для данного блока маркерами служат:

1. нарративная форма повествования с предикатами в форме претерита;

2. лексема «Prior» и «der Alte» и имя собственное «Bruder Medardus» для номинации вымышленного автора и посредника в передаче рукописи;

3. лексемы со значением «сочинение»: «die Papiere», «das Buch» в форме прямой номинации;

4. цепочка глаголов, объединенных в семантическое поле со значением «получение книги и ее публикации»: zeigen – mitteilen – (das aus jenen Papieren geformte Buch) in die Hände geben;

5. лексемы «das Kloster», «das Archiv» в форме прямой номинации, которые служат «операторами текстового пространства»;

6. обстоятельственные и атрибутивные распространители синтаксической основы простого предложения «mit Mühe überwand», «im Archiv aufbewahrte», «als eine

Merkwürdigkeit», «nicht ohne Furcht», служащие для уверения читателя в правдивости истории.

Рассмотрим, в каких формах речевого выражения реализуется этот КС-блок в предисловиях русских авторов.

В качестве примера рассмотрим фрагмент из предисловия к повести А. Погорельского «Монастырка»:

«Желая хотя немного разогнать скуку, начал я искать какой-нибудь книги для чтения, но поиски мои были напрасны. Между тем **нечаянно попался** мне в руки дамский рабочий мешок, или ридикюль, в котором, как мне показалось, были **какие-то бумаги**. <...> Я **хотел было положить** мешок на место, как **увидел** еще **пакет с письмами**, которых **почерк** **показался** мне, при первом уже взгляде, отличным от прочих. <...> **По-видимому**, они **писаны были** за несколько лет пред тем **воспитанницею Смольного монастыря** к ее подруге; но, **без подписи**, не представляли никаких подробных сведений о сочинительнице. Это еще более возбудило мое любопытство, и я с нетерпением ожидал утра.

На рассвете хозяйка крепко **постучалась** в мою дверь, полагая, что я еще сплю. Она **изумилась**, увидев меня на ногах, и никак **не могла понять**, отчего я не мог спать на софе. Она **уверяла**, что у нее в целом доме нет ни одного клопа, да и быть не может, потому что она имеет легкое и верное от них средство, а именно: всякий год, когда цветет конопля, расставляя по углам комнат по три свежих стебля. Не находя никакой надобности доказывать ей, что средство ее либо вовсе недействительно, либо не каждый год ею употребляется, я **оставил** ее в приятном заблуждении и **принялся расспрашивать о найденных** мною в мешке **письмах**; но она **ничего** о них **не знала**. Призванная на помощь дочь, узнав, о чем идет дело, нахмурила брови и бросила на меня сердитый взгляд; но пошарив немного в мешке, удостоверившись, что **любовные послания** целы, и ощутив сверх того положенную мною туда ассигнацию, успокоилась и приняла прежний умильный вид. Она **рассказала** мне, что **письма** эти **забыты** у них в доме года за два перед тем **одною проезжею госпожою**, которой **имени она не помнит**; что сначала была их **целая связка**, но что потом они **растерялись**. Вот всё, что **мог я узнать!** Хозяйская дочь охотно **согласилась подарить** их мне, и я оставил дворянский трактир с твердым намерением **употребить все старания**, чтоб **разведать** подробнее **о неизвестной сочинительнице писем**».

Маркерами, служащими для реализации основной прагматической функции данного КС-блока, являются:

1. нарративная форма повествования с предикатами в форме глаголов прошедшего времени;
2. номинации в форме словосочетаний с лексемами: «неизвестная сочинительница», «воспитанница Смольного монастыря» для обозначения вымышленного автора;
3. лексемы со значением «сочинение»: «бумаги», «пакет с письмами», «любовные послания» – в форме прямой номинации;
4. цепочка глаголов, объединенных в семантическое поле со значением «получение писем»: «попался», «увидел», «найти», «принялся расспрашивать», «разведать», «употребить все старания», «забыты», «растерялись», «согласилась подарить»;

Приведем еще один пример из предисловия к роману В. Ф. Одоевского «4338-й год»:

«Эти **письма** доставлены нижеподписавшемуся **человеком весьма примечательным** в некоторых отношениях (он **не желает объявлять своего имени**). Занимаясь в продолжение нескольких лет **месмерическими опытами**, он достиг такой степени в сем искусстве, что **может** сам собою по произволу **приходить в сомнамбулическое состояние**; любопытнее всего то, что он заранее может выбрать предмет, на который должно устремиться его **магнетическое зрение**.

Таким образом он **переносится в какую угодно страну, эпоху или в положение какого-либо лица** почти без всяких усилий; его **природная способность**, изощренная долгим упражнением, **дозволяет ему рассказывать или записывать** все, что представляется его **магнетической фантазии**; проснувшись, он все **забывает** и сам по крайней мере с любопытством **прочитывает написанное**».

Типичными для данного блока маркерами служат:

1. нарративная форма повествования с предикатами;
2. номинация в форме словосочетаний с лексемами: «человек весьма примечательный в некоторых отношениях» для обозначения вымышленного автора;
3. лексемы со значением «сочинение»: «письма», «написанное» – в форме прямой номинации;

4. Словосочетания с лексемами: «месмерическими опытами», «сомнамбулическое состояние», «магнетическое зрение», «природная способность», передающие «состояние «перевоплощения автора», предшествующее творческому процессу»;

5. цепочка глаголов, объединенных в семантическое поле со значением «осуществления творческого процесса»: «рассказывать», «записывать», «забывает», «прочитывает написанное»;

6. лексемы «страна», «эпоха» в форме прямой номинации, которые служат «операторами текстового пространства».

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из предисловия к роману к циклу Пушкина «Повести И. П. Белкина»:

*«Взявшись хлопотать об издании Повестей И. П. Белкина, предлагаемых ныне публике, мы желали к оным **присовокупить** хотя краткое **жизнеописание покойного автора**, и тем отчасти **удовлетворить справедливому любопытству** любителей отечественной словесности. Для сего **обратились** было мы к **Марье Алексеевне Трафилиной**, ближайшей родственнице и наследнице Ивана Петровича Белкина; но к сожалению ей **невозможно было** нам **доставить никакого** о нем **известия**, ибо покойник вовсе **не был ей знаком**. Она **советовала** нам **отнестись по сему предмету** к одному почтенному мужу, бывшему другом **Ивану Петровичу**. Мы **последовали** сему **совету**, и на письмо наше **получили** нижеследующий желаемый **ответ**. <...> Милостивый Государь мой ****!»*

Иван Петрович Белкин **родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине. Покойный отец** его, секунд-майор **Петр Иванович Белкин**, был женат на девице **Пелагее Гавриловне** из дому Трафилиных. Он был человек не **богатый, но умеренный**, и по части хозяйства весьма **смышленный**. Сын их **получил первоначальное образование** от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, кажется, обязан **охотою к чтению и занятиям по части русской словесности. В 1815 году вступил он в службу** в пехотный егерской полк (числом не упомяну), в коем и находился до самого **1823 года. Смерть его родителей**, почти в одно время приключившаяся, **понудила его подать в отставку** и **приехать в село Горюхино**, свою отчину.

<...> Кроме **повестей**, о которых в письме вашем **упоминать** изволите, Иван Петрович **оставил множество рукописей**, которые частью у меня **находятся**,

частью *употреблены* его ключницей на разные домашние потребности. Таким образом прошлой зимою все окна ее флигеля *заклеены* были **первою частию романа**, которого он *не кончил*. Вышеупомянутые **повести** были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частию **справедливы** и слышаны им от разных особ.** Однако ж **имена** в них почти все *вымышлены* им самим, а **названия сел и деревень заимствованы** из нашего околodka, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие *произошло* не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения.

Иван Петрович осенью 1828 года *занемог* простудною лихорадкою <...>

Он *скончался* на моих руках на 30-м году от рождения, и *похоронен в церкви села Горюхина* близ покойных его родителей.

Иван Петрович был **росту среднего**, **глаза** имел *серые*, **волоса русые**, **нос** прямой; *лицом был бел и худощав*.

Основными маркерами данного КС-блока, являются:

1. нарративная форма повествования с предикатами в форме глаголов прошедшего времени: «обратились», «советовала», «последовали», «получили» и др.

2. имя собственное «И. П. Белкин» для номинации вымышленного автора;

3. имена собственные, убеждающие читателя в правдивости рассказанной истории: Петр Иванович Белкин, Марья Алексеевна Трафилина, Пелагея Гавриловна из дому Трафилиных;

4. лексемы, объединенные в семантическое поле со значением «биографии»: «родился», «получил первоначальное образование», «вступил в службу», «подал в отставку», «приехал в село Горюхино», «занемог», «скончался»;

5. лексемы со значением «писательской деятельности»: «занятия по части русской словесности», «множество рукописей», «первая часть романа», «повести»;

6. лексемы со значением «описание внешности»: «среднего роста», «серые глаза», «волосы русые», «нос прямой», «лицом был бел и худощав».

Как показывает проведенный сопоставительный анализ, немецкоязычные и русскоязычные варианты этого КС-блока имеют аналогичные маркеры: нарративную форму повествования; лексемы и имена собственные для номинации вымышленного автора («der Freund», «Bruder Medardus», «Kater Murr»; «человек весьма примечательный», «воспитанница Смольного монастыря», Иван Петрович Белкин); лексемы со значением

«сочинение» («die Schriften», «das Buch», «die Papiere», «das Manuskript», «das Katerbuch»; «бумаги», «пакет с письмами», «любовные послания», «написанное» «повесть», «роман», «рукопись»); использование собственных имен людей и улиц для уверения читателя в правдивости рассказанной истории («Herr Dümmler», «Unter den Linden»; Петр Иванович Белкин, Марья Алексеевна Трафилина, Пелагея Гавриловна из дому Трафилиных); цепочки глаголов, объединенных в семантическое поле со значением «получение книги и ее публикации» («zeigen» – «mitteilen» – (das aus jenen Papieren geformte Buch) in die Hände geben; «попался», «увидел», «найти», «принялся расспрашивать», «разведать», «употребить все старания», «забыты», «растерялись», «согласилась подарить»);

При полном совпадении немецко- и русскоязычных вариантов этого КС-блока отличительной особенностью русскоязычного варианта является добавочный маркер в виде цепочки глаголов, объединенных в семантическое поле со значением «осуществления творческого процесса»: «рассказывать», «записывать», «забывает», «прочитывает написанное».

8. КС-блок с функцией «пролога к основному тексту»

Словом «пролог» обычно обозначают одну из разновидностей литературного предисловия, которая служит для введения читателя в художественное пространство произведения. Но в тех случаях, когда предисловие выполняет не одну, а сразу несколько функций, указанную функцию может выполнять только один из его КС-блоков. Его мы и будем называть КС-блоком с функцией «пролога», имея в виду, что ее могут выполнять как целое предисловие, так и его часть.

Обстоятельную характеристику пролога как одного из вариантов предисловия дал в своей монографии И. Р. Гальперин. По мысли Гальперина, пролог объединяет в себе свойства, присущие предисловию и введению: «Пролог – это предисловие к одному из видов художественного произведения. Пролог имеет свои особенности, отличающие его от предисловия и введения. <...> Пролог может быть и действительным вступлением к основному содержанию текста» (Гальперин 2006: 59). «Пролог в художественном произведении – часть текста, он настраивает читателя на определенный лад, навязывает ему созвучное с автором понимание того, что будет описано в тексте <...>. Такая векторная направленность пролога иногда предопределяет эстетическое восприятие всего произведения» (Гальперин 2006: 67).

Этот КС-блок отражает типично романтическую манеру создания воображаемого мира. Однако, даже в произведениях немецких романтиков он встречается не очень часто, например, в предисловиях к романам Гофмана «Die Elixiere des Teufels» или «Die Geschichte von den Haimonskindern» Людвига Тика (в которых он занимает центральное место). Рассмотрим в качестве примера фрагмент новеллы Э.Т.В. Гофмана «Die Elixiere des Teufels»:

«Gern *möchte* ich **dich, günstiger Leser!** unter jene dunkle Platanen *führen*, wo ich die seltsame Geschichte des Bruders Medardus zum ersten Male *las*. **Du** *würdest* dich mit mir auf dieselbe, in duftige Stauden und bunt glühende Blumen halb versteckte, steinerne Bank *setzen*; **du** *würdest*, so wie ich, recht sehnsüchtig nach den blauen Bergen *schauen*, die *sich* in wunderlichen Gebilden hinter dem sonnichten Tal *auftürmen*, das am Ende des Laubganges *sich* vor **uns** *ausbreitet*. Aber nun *wendest* **du** *dich um* und *erblickest* kaum zwanzig Schritte hinter **uns** ein gotisches Gebäude, dessen Portal reich mit Statuen *verziert ist*. – Durch die dunklen Zweige der Platanen *schauen* **dich** Heiligenbilder recht mit klaren, lebendigen Augen *an*; es *sind* die frischen Freskogemälde, die auf der breiten Mauer *prangen*. – Die Sonne *steht* glutrot auf dem Gebürge, der Abendwind *erhebt sich*, überall Leben und Bewegung. Flüsternd und rauschend *gehen* wunderbare Stimmen durch Baum und Gebüsch: als *würden* sie steigend und steigend *zu Gesang und Orgelklang*, so *tönt* es von ferne herüber. Ernste Männer, in weit gefalteten Gewändern, *wandeln*, den frommen Blick emporgerichtet, schweigend durch die Laubgänge des Gartens. *Sind* denn die Heiligenbilder *lebendig worden* und *herabgestiegen* von den hohen Simsens? – **Dich** *umwehen* die geheimnisvollen Schauer der wunderbaren Sagen und Legenden, die dort abgebildet, **dir** *ist*, als *geschähe* alles vor deinen Augen, und willig *magst* **du** *daran glauben*. In dieser Stimmung *liesest* **du** die Geschichte des Medardus, und wohl *magst* **du** auch dann die sonderbaren Visionen des Mönchs für mehr *halten* als für das regellose Spiel der erhitzten Einbildungskraft».

Как видим, основным содержанием этого КС-блока с функцией «пролога» является введение читателя в художественное пространство воображаемого мира через приобщение его к фантазии автора. Тем самым автор создает для читателя особую атмосферу восприятия романтического мира его произведения.

Для данного КС-блока характерны следующие маркеры:

1. глагольная цепочка для обозначения последовательных действий в воображаемом мире, в которой использованы Präteritum Konjunktiv (начало предисловия)

и Präsens Indikativ. Поскольку повествование разворачивается в воображаемом мире фантазии, то речь здесь идет о, так называемом, настоящем времени воображаемого действия. Все формы выделены нами в тексте курсивом;

2. для КС-блока «пролога к основному тексту» типичными являются маркеры адресации (выраженные обращением к читателю «günstiger Leser!» и личным местоимением «du»), авторизации (выраженные личным местоимением «ich»), а также маркеры объединения автора и читателя, представленные в тексте личным местоимением «wir»;

3. к числу маркеров этого КС-блока также относятся языковые средства (часто эмоционально окрашенные), которые создают живописное изображение и способствуют восприятию читателем художественного пространства текста. К наиболее типичным для данного КС-блока относятся:

a) определения, создающие особое поле субъективно-оценочной модальности с доминантой «возвышенной духовной атмосферы, свойственной монастырю»: «dunkle Platanen», «steinerne Bank», «duftige Stauden, blaue Berge», «sonnichtetes Tal», «gotisches Gebäude» и др.;

b) адвербиальные словосочетания: «**Flüsternd und rauschend** gehen wunderbare Stimmen durch Baum und Gebüsch: als würden sie **steigend und steigend** zu Gesang und Orgelklang...“;

c) отглагольные существительные, со значением действия, заполняющего художественное пространство: «das Leben», «die Bewegung», «der Gesang»;

d) эмоционально-экспрессивная лексика, передающая возвышенно романтическое восприятие воображаемого мира: «recht sehnsüchtig», «geheimnisvoller Schauer», «wunderbare Sagen und Legenden»;

4. кроме того, для данного КС-блока характерными являются лексемы, образующие два основных тематических поля: «фантазии»: «die Stimmung», «sonderbare Visionen», «die Einbildungskraft» и «чтения»: «die Geschichte, lesen».

Особенно часто КС-блок с функцией «пролога» встречается в предисловиях к произведениям Людвиг Тика. Нами он был обнаружен в предисловиях к трем его новеллам: «Die Geschichte von den Haimonskindern», «Der Fremde» и к рассказу «Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence».

Рассмотрим в качестве еще одного примера фрагмент его новеллы «Der Fremde»:

«Sind Sie aber in einer sehr ungläubigen *Stimmung*, so **machen Sie Feuer im Kamin, setzen Sie sich dicht umher, und löschen Sie das Licht aus. Lassen Sie die Feuerbrände ihr mattes auf- und niederschießendes Licht** im Zimmer **verbreiten**, und dann **nehmen Sie das Buch und fangen Sie an zu lesen**: ich **habe immer gefunden**, daß ein *Kaminfeuer* die **Phantasie erhebt**, und den vorlauten Verstand etwas zum Schweigen bringt, und damit in nachfolgender **Erzählung** ja nicht zuviel Verstand hineingerathen möchte, schreibe ich sie vorsorglicherweise ebenfalls beim *Kaminfeuer*».

Приведенный фрагмент служит ярким примером того, как автор использует средства создания «интимизируемого» художественного пространства, что является необходимым для вовлечения читателя в воображаемый мир его фантазии.

1. Характерными маркерами для данного КС-блока является, прежде всего, цепочка глаголов в форме вежливого императива, выполняющих прескриптивную функцию: **machen Sie Feuer - setzen Sie sich umher - löschen Sie das Licht aus - lassen Sie das Licht verbreiten - nehmen Sie das Buch - fangen Sie an zu lesen**. Таким образом, это является своего рода «инструкцией», когда автор берется руководить читателем в его путешествии в мир художественной фантазии. В связи с этим, для реализации интенций автора и используется цепочка глаголов в императиве.

2. Также в приведенном фрагменте встречаются традиционные для данного КС-блока тематические группы – а именно – «фантазии», «поэтического творчества» (*ungläubige Stimmung, die Phantasie erheben*) и «чтения» (*das Buch nehmen, fangen an zu lesen*). Дополнительно можно отметить, что с названными тематическими группами сочетается тематическая группа «домашнего огня». Эта тематическая группа является специфичной и характерна лишь для данного фрагмента. Она представлена лексемами со значением художественного пространства, образующегося благодаря «домашнему огню» (*Feuer im Kamin machen, die Feuerbrände, auf- und niederschießendes Licht, das Kaminfeuer*).

3. Еще одним маркером, характерным для данного фрагмента является авторское умозаключение «...*ich habe immer gefunden, daß ein Kaminfeuer die Phantasie erhebt, und den vorlauten Verstand etwas zum Schweigen bringt...*». Высказывание автора вводится глаголом «finden», выражающим ментальное состояние, и подкрепляется лексемой «immer», которая является маркером уверенности автора в своем мнении. Данного

обобщение авторское повествование в вневременной и внепространственный план и задает особую тональность для перехода в мир фантазии.

Таким образом, типичными маркерами КС-блока с функцией «пролога к основному тексту» являются:

1. цепочка глаголов в ирреальном наклонении (в конъюнктиве или императиве), выражающая последовательность действий для путешествия в воображаемый мир, в мир фантазии под руководством автора;

2. традиционные маркеры для обозначения адресата – личные местоимения «du», «Sie» в прямых и косвенных падежах, автора – через личное местоимение «ich», а также объединяющее автора и читателя местоимение «wir»;

3. лексемы со значением предметов и деталей художественного пространства;

4. прилагательные, часто эмоционально окрашенные, и наречия в функции эпитетов, служащие для создания эмоционального фона.

Проанализировав предисловия русских писателей-романтиков, мы установили, что, в отличие от немецких, в предисловиях отечественных авторов КС-блок с функцией пролога не встречается.

9. КС-блок «исторического экскурса»

КС-блок «исторического экскурса» служит введению читателя в пространственно-временной контекст эпохи, о которой повествуется в основном тексте. Данный КС-блок реализуется чаще всего в предисловиях к историческим романам. Этот КС-блок выступают в качестве своеобразного «канала связи» читателя с историческим контекстом повествования. В основе КС-блока «исторического экскурса» лежат коммуникативные стратегии, связанные с восполнением недостающих фоновых знаний, необходимых читателю для восприятия текста.

Строго говоря, содержанием этого блока является введение читателя не только в «историческое» художественное время, но и в соответствующее художественное пространство. Поэтому одним из компонентов КС-блока «исторического экскурса» является также описание художественного пространства.

В качестве примера приведем фрагмент из романа В. Гауфа «Lichtenstein», в котором «исторический экскурс» занимает довольно значительное место:

«Man wird uns nämlich entgegenhalten, daß sich der Charakter **Ulerichs von Württemberg**¹ nicht dazu eigne, in einem historischen Romane mit milden Farben wiedergegeben zu werden; man hat ihn vielfach angefeindet, manches Auge hat sich sogar daran gewöhnt, wenn es die lange Bilderreihe der Herzoge Württembergs mustert, mit scheuem Blick vom ältern **Eberhard auf Christoph**² überzuspringen <... >».

Ulrich von Württemberg, geb. 1487, wurde 1498 in seinem eilften Jahre als Herzog ¹ belehnt mit einer Mitregentschaft, welche in seinem sechszehnten Jahr aufgehoben wurde und Ulerich von 1503 an allein regierte. Er starb im Jahr 1550.

Es ist hier Eberhard im Bart gemeint, der, geb. 1445, gest. 1496, sehr weise regierte. Er war der erste Herzog von Württemberg. Christoph, geb. 1515, gest. 1568, ein Fürst, ² dessen Andenken nicht nur in Württemberg, sondern in ganz Teutschland gesegnet wird. Er ist der Stifter der württembergischen Konstitution.

<...>

Das Jahr 1519, in welches **unsere Sage** fällt, hat über ihn entschieden, denn es ist der Anfang seines langen Unglückes. <...> **In jenem Jahre** war alles auf die Spitze gestellt. **Der Aufruhr** des **Armen Konrad** war **sechs Jahre früher** mit Mühe gestillt, doch war **das Landvolk hie und da noch schwierig**, weil **der Herzog** sie nicht für sich zu gewinnen wußte, seine Amtleute auf ihre eigene Faust arg hausten und **Steuern auf Steuern erhoben wurden**. **Den Schwäbischen Bund**, eine mächtige Vereinigung von **Fürsten, Grafen, Rittern** und freien Städten des Schwaben- und Frankenlandes hatte er wiederholt beleidigt, hauptsächlich auch dadurch, daß er sich weigerte, ihm beizutreten. So sahen also alle seine Grenznachbarn mit feindlichen Blicken auf sein Tun, als wollten sie nur Gelegenheit abwarten, ihn fühlen zu lassen, welch mächtiges Bündnis er verweigert habe. **Der Kaiser Maximilian**, der **damals** noch regierte, war ihm auch nicht ganz hold, besonders **seit** er im Verdacht war, den **Ritter Götz von Berlichingen** unterstützt zu haben, um sich an dem **Kurfürsten von Mainz** zu rächen.

Der Herzog von Bayern, ein mächtiger Nachbar, dazu sein Schwager, war ihm abgeneigt, weil Ulerich mit der **Herzogin Sabina** nicht zum besten lebte. Zu allem diesem kam, um sein Verderben zu beschleunigen, die Ermordung eines fränkischen **Ritters**, der an seinem Hofe lebte. **Glaubwürdige Chronisten** sagen, das Verhältnis des Johann von Hutten zu Sabina sei nicht so gewesen, wie es der **Herzog** gerne sah; ».

В КС-блоке «исторического экскурса» передан исторический контекст событий, которые предшествовали времени действия романа. С помощью целого ряда маркеров

писатель старается убедить читателя в их конкретно-историческом характере. С их помощью автор вводит читателя в художественное пространство и время своего повествования.

Типичными маркерами данного КС-блока являются следующие:

1. операторы временной соотнесенности, которые выражаются различными способами: а) прямой номинацией: *das Jahr 1519*; б) наречием с семантикой времени: *damals*; в) словосочетаниями с семантикой времени: *in jenem Jahre, sechs Jahre früher*;

2. лексемы, обозначающие имена собственные: а) исторических лиц (состоящие из титула и имени): *der Arme Konrad, der Kaiser Maximilian, der Ritter Götz von Berlichingen, der Kurfürst von Mainz; der Herzog von Bayern*; б) земель и государственных союзов: *Württemberg, freie Städten des Schwaben- und Frankenlandes, «der Schwäbische Bund»*;

3. имена нарицательные, обозначающие реалии эпохи: *der Herzog, der Fürst, der Graf, der Ritter*;

4. развернутые конструкции, передающие положение дел в Вюртембергском герцогстве: *«doch war das Landvolk hie und da noch schwierig», «seine Amtleute auf ihre eigene Faust arg hausten und Steuern auf Steuern erhoben wurden»*;

5. ссылка на исторический источник – хронику: *«glaubwürdige Chronisten»*.

Помимо перечисленных нами маркеров, в данном фрагменте прослеживается интертекстуальное взаимодействие предисловия не только с основным текстом (который именуется «сагой»), но и с другими паратекстами – авторскими историческими комментариями, которые появляются уже в самом предисловии. В тексте предисловия они представлены в виде авторских сносок. Их функция – сообщить краткие сведения об исторических лицах, о которых рассказывается в романе (и в предисловии к нему). Таким образом, получается, что в создании исторического экскурса использован не только данный КС-блок, но и связанный с ним интертекстуальным взаимодействием паратекст. Именно это интертекстуальное взаимодействие создает широкую картину исторических лиц и событий.

Рассмотрим, как данный КС-блок представлен в предисловиях к произведениям русских авторов. В качестве примера приведем фрагмент из предисловия к историческому роману Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец»:

«Царь Иоанн Васильевич Грозный женился в седьмой (Некоторые историки говорят, в шестой, а иные – в пятой. См. примечание 554 в IX томе "Истории

Государства Российского" Карамзина) раз, без церковного разрешения, на дочери знатного сановника **Федора Федоровича Нагого в 1580 или 1581 году**. От сего брака родился в **1582 году** сын Димитрий. При вступлении на престол **Феодора Иоанновича царица Мария** с родом своим и малолетним сыном была сослана в **Углич** по внушению любимца и шурина государева, **боярина Бориса Федоровича Годунова**. Царевич **Димитрий** убит в Угличе злодеями, **Битяговским и Качаловым, в 1591 году, мая 15 дня**. <...>

После следствия, произведенного в Угличе **боярином князем Василием Ивановичем Шуйским, Клешниным, дьяком Вылузгиным и митрополитом Крутицким**, обвинили царицу и братьев ее, **Нагих**, в небрежении при воспитании Царевича и в возбуждении угличан к мятежу. **Нагих** сослали, а царицу постригли в **монахини** под именем **Марфы** и заключили в **монастырь святого Николая на Ваксе, на Белоозере**, в том же **1591 году**.

Современники думали, что тем сие дело и кончилось; но провидению угодно было испытать Россию бедствиями. **Явился** человек умный и смелый, **назвался** царевичем Димитрием Ивановичем, чудесно спасенным от убиения, и при помощи поляков, а еще более **от ослепления россиян, овладел** русским престолом. Кто таков был этот счастливый **прошлец**? Современные русские **летописцы** называют его Григорием Отрепьевым, сыном углицкого дворянина Богдана, беглым монахом и расстригою. Многие иноземные современники верили, что он истинный Димитрий. Нет сомнения, что этот **прошлец** был **самозванец и обманщик**; но я, соображая все обстоятельства сего чудного происшествия, верю, что он не мог быть Гришкою Отрепьевым, и совершенно соглашаюсь с мнением **митрополита Платона**, изложенным в его **сочинении "Краткая церковная история"**. **Во второй части (изд. 1823 г.) на стр. 168, в главе LXVII**, митрополит Платон пишет: «Утверждая обще со всеми нашими писателями, что Гришка не был царевич Димитрий, но точный самозванец, отваживаюсь изъявить мое новое мнение, что сей первый самозванец не был и Гришка Отрепьев, дворянина галицкого сын, но некто подставной, от некоторых хитрых злодеев выдуманный и подставленный, чужестранный или россиянин, или, может быть, и самый Гришка Отрепьев, галицкого мелкого дворянина сын, но давно к тому от злоумышленников приготовленный и обработанный, а не тот, какого наши летописцы выдают; или и тот, но не таким образом все сие дело происходило,

как они описывают, утверждая свое описание только на одних наружных и открывшихся обстоятельствах и не проникая во глубину сего злохитрого и огромного замысла»».

Средства речевого выражения, использованные в данном фрагменте, сходны с маркерами данного КС-блока в немецком варианте предисловия:

1. операторы временной соотнесенности, выраженные в форме прямой номинации: в 1580 или 1581 году; в 1582 году; в 1591 году, мая 15 дня;

2. лексемы, обозначающие имена собственные: а) исторических лиц (состоящие из титула и имени): царь Иоанн Васильевич; сановник Федор Федорович Нагой; царица Мария; боярин Борис Федорович Годунов; царевич Димитрий; боярин князь Василий Иванович Шуйский; дьяк Вылузгин; митрополит Крутицкий; б) городов и исторических мест: Углич; монастырь святого Николая на Ваксе, на Белоозере;

3. имена нарицательные, обозначающие реалии эпохи: «царь», «царица», «боярин», «князь»;

4. лексемы и словосочетания, передающие положение дел в Московии: «женился», «убит», «обвинили», «возбуждение к мятежу», «постригли в монахи», «заклучили в монастырь»;

5. ссылка на исторические источники: «История Государства Российского» Н. М. Карамзина; сочинение митрополита Платона «Краткая церковная история»;

6. нарративная форма повествования в прошедшем времени, сменяющаяся повествованием в форме рассуждения («Кто таков был этот счастливый прошлец? <...> Нет сомнения, что этот прошлец был самозванец и обманщик; но я, соображая все обстоятельства сего чудного происшествия, верю, что он не мог быть Гришкою Отрепьевым...»)

7. цепочка глаголов, объединенных в общее семантическое поле со значением «прихода к власти»: «явился» - «назвался» - «овладел»;

Для данного фрагмента также характерна субъективно-оценочная модальность, свойственная историческому повествованию. Маркерами ее служат оценочные слова: «ослепление россиян», «прошлец», «самозванец и обманщик».

Важной чертой данного фрагмента является интертекстуальное взаимодействие предисловия не только с основным текстом, но и с другими текстами. Ф. В. Булгарин ссылается на исторические произведения других авторов: «(Некоторые историки говорят, в шестой, а иные – в пятый. См. примечание 554 в IX томе «Истории Государства

Российского» Карамзина)» или цитирует их в тексте своего предисловия: «совершенно соглашаюсь с мнением митрополита Платона, изложенным в его сочинении «Краткая церковная история». Во второй части (изд. 1823 г.) на стр. 168, в главе LXVII, митрополит Платон пишет: «...»».

Благодаря широкой интертекстуальности автору удается создать многоплановую картину эпохи и ее исторических лиц.

Рассмотрим еще один фрагмент из предисловия к рыцарской повести А. А. Бестужева-Марлинского «Замок Нейгаузен»:

«[Эпохою своей повести избрал я **1334 год**, заметный в летописях Ливонии взятием Риги герм. Эбергардом фон Монгеймом у епископа Иоанна II; он привел ее в совершенное подданство, **взял с жителей дань и письмо покорности (Sonebref)**, **разломал стену** и через нее **въехал в город**. **Весьма естественно**, что беспрестанные раздоры **рыцарей с епископами** и неудачи сих последних **должны были** произвести в партии рижской желание обессилить врагов потаенными средствами. - Примеч. автора]».

Содержанием данного КС-блока является рассказ о событиях в средневековой Ливонии, связанных с захватом Риги. Последовавшие события вынудили рижскую партию тайно действовать против своих врагов.

Маркерами КС-блока «исторического экскурса» служат:

1. прямая номинация для обозначения времени: 1334 год;
2. лексемы, обозначающие: а) имена собственные (личные и географические): Эбергард фон Монгейм; епископ Иоанн II; Рига; б) исторические события: взятие Риги; в) исторические детали: «взял с жителей дань и письмо покорности (Sonebref), разломал стену и через нее въехал в город»;
3. имена нарицательные (лексемы-номинаторы), обозначающие реалии эпохи: рыцари; епископы;
4. ссылка на исторический источник: «в летописях Ливонии»;
5. средства субъективной модальности в форме авторской сентенции (т.е. обобщения). Ее маркерами являются две конструкции с субъективной модальностью «закономерности»: а) «весьма естественно»; б) должны были (произвести);
6. нарративная форма повествования в прошедшем времени.

Особенностью данного экземпляра предисловия является то, что предисловие подано в форме «примечания». У него отсутствует все основные КС-блоки («заглавия»,

«адресации», «коммуникативной ориентации» и т.д.). Главным его содержанием является КС-блок исторической экспозиции, который служит введением в историческое повествование.

При сопоставлении КС-блока «исторического экскурса» в немецких и русских предисловиях можно наблюдать почти полное совпадение маркеров данного КС-блока. Перечислим совпавшие маркеры:

1. прямая номинации для обозначения времени: «das Jahr 1519»; «в 1591 году, мая 15 дня»; «1334 год»;

2. лексемы, обозначающие имена собственные: а) исторических лиц (состоящие из титула и имени): «der Kaiser Maximilian», «der Ritter Götz von Berlichingen», «der Kurfürst von Mainz»; «царь Иоанн Васильевич», «боярин Борис Федорович Годунов», «митрополит Крутицкий»; б) земель, городов и государственных союзов: «Württemberg», «freie Städten des Schwaben- und Frankenlandes»; «Углич»; «Рига»;

3. имена нарицательные, обозначающие реалии эпохи: «der Herzog», «der Fürst», «der Graf», «der Ritter»; «царь», «царица», «боярин», «князь»; «рыцари», «епископы»;

4. ссылка на исторический источник: «glaubwürdige Chronisten»; «современные русские летописцы»; «в летописях Ливонии»;

5. развернутые конструкции и лексемы, передающие положение дел в государстве: «doch war das Landvolk hie und da noch schwierig», «seine Amtleute auf ihre eigene Faust arg hausten und Steuern auf Steuern erhoben wurden»; «женился»; «убит»; «обвинили»; «возбуждение к мятежу»; «постригли в монахини»; «заклучили в монастырь»;

6. нарративная форма повествования в прошедшем времени;

7. интертекстуальное взаимодействие предисловия не только с основным текстом, но и с другими текстами (с авторским комментарием в виде сноски или отсылке на другие исторические источники и их цитации).

10. КС-блок «рассуждение о жанре»

Одна из тем, которая достаточно регулярно встречается в тексте предисловий к сочинениям немецких и русских романтиков, касается авторских размышлений о литературном жанре произведения. В значительной степени это объясняется высокой

степенью рефлексивности, свойственной для эпохи романтизма в целом. Рассуждения подобного рода Жерар Женетт относил к числу традиционных функций литературного предисловия, рассматривая ее как один из способов авторской интерпретации текста, связанной со сферой его профессиональной деятельности [Genette 1989: 217].

Рассмотрим в качестве примера фрагмент из предисловия к роману Генриха Гейне «Atta Troll»:

«Was den **ästhetischen Werth** meines **Poems** betrifft, so gab ich ihn gern Preis, wie ich es auch heute noch thue; ich schrieb dasselbe zu meiner eignen Lust und Freude, in der **grillenhaften Traumweise** jener **romantischen Schule**, wo ich meine angenehmsten Jugendjahre verlebt, und zuletzt den Schulmeister geprügelt habe».

В этом предисловии речь идет о последней романтической поэме Гейне «Atta Troll». Сам Гейне подчеркивал, что его поэма — «лебединая песнь умирающей эпохи» романтизма. Об этом же он говорит в письме к Ф. фон Энзе в 1846 г.: «Тысячелетнее царство романтики окончилось, и я сам был его последним и отрекшимся от престола сказочным королем». Об отречении от романтизма Гейне говорит и в приведенном выше фрагменте, в котором он упомянул и о своем учителе (А. В. Шлегеле): «und zuletzt den Schulmeister geprügelt habe». (В юности Гейне слушал лекции А.В. Шлегеля в университете в Бонне и под его влиянием испытал сильное увлечение романтизмом).

Характерными маркерами данного КС-блока являются:

1. понятия, относящиеся к художественной эстетике романтизма: die romantische Schule, der ästhetische Werth;
2. название литературного жанра: das Poem;
3. именное словосочетание «die grillenhafte Traumweise», свойственное романтическому стилю;

В качестве другого примера рассмотрим фрагмент из предисловия к сборнику новелл Вильгельма Гауфа «Novellen»:

«Nur so ist es möglich, daß wir, auch ohne jenen Schlüssel zum Feenreich, gegenwärtig in Deutschland eine so bedeutende Menge **Novellen** zutage fördern. **Die »wundervolle Märchenwelt«** findet kein empfängliches Publikum mehr, **die lyrische Poesie** scheint nur noch von wenigen geheiligten Lippen tönen zu wollen und vom **alten Drama** sind uns, sagt man, nur **die Dramaturgen** geblieben. In einer solchen miserablen Zeit, Verehrter! ist **die Novelle** ein ganz bequemes Ding. Den Titel haben wir, wie eine Maske, von den großen **Novellisten**

entlehnt, und Gott und seine lieben **Kritiker** mögen wissen, ob die nachstehenden **Geschichten** wirkliche und gerechte Novellen sind».

В этом фрагменте В. Гауф иронически рассуждает о нынешнем «жалком» времени, в котором все литературные жанры находятся в упадке. И только жанр новеллы переживает расцвет. Под маской этого жанра он и предпочитает вести свой рассказ.

Маркерами данного КС-блока служат:

1. многочисленные названия литературных жанров в форме прямой и косвенной номинаций: die Novellen, die «wundervolle Märchenwelt» (косвенная номинация жанра сказки), die lyrische Poesie, das Drama, die Geschichten;

2. прямые номинации профессий, связанных с литературой: die Dramaturgen, die Novellisten, die Kritiker;

3. использование высказываний, относящихся к типу ассертивов-констативов (т.е. утверждений, фиксирующих положение дел) с включением персуазивных компонентов (т.е. относящихся к модальности достоверности), способствующих передачи авторской иронии: «die lyrische Poesie **scheint** nur noch von wenigen geheiligten Lippen **tönen zu wollen**», «vom alten Drama sind uns, **sagt man**, nur die Dramaturgen geblieben», «Gott und seine lieben Kritiker mögen wissen».

Рассмотрим другой фрагмент из предисловия к трагедии Генриха Гейне «William Ratcliff»:

«Dieser **Tragödie** oder **dramatisierten Ballade** gewähre ich mit gutem Fug jetzt einen Platz in der Sammlung meiner **Gedichte**, weil sie als eine bedeutsame Urkunde zu den Prozeßakten meines Dichterlebens gehört. Sie resümiert nämlich meine poetische Sturm-und-Drang-Periode,...»

В этом предисловии Гейне говорит о новом периоде в своем творческом развитии, который ознаменовался его трагедией «William Ratcliff».

Основными маркерами данного КС-блока являются:

1) название двух кореферентных литературных жанров: трагедия и романтическая баллада («Tragödie oder dramatisierte Ballade»), примененных к одному и тому же поэтико-драматическому сочинению Гейне, свидетельствующие о поиске автором точного жанрового определения для этого произведения;

2) название еще одного, более общего, жанра литературы – die Gedichte;

3) название предромантического движения «Sturm und Drang», которое Гейне метафорически присваивает периоду своей романтической юности.

Приведем еще один пример из новеллы Людвига Тика «Der junge Tischlermeister»:

«Da ich **die Form der Novelle** auch dazu geeignet halte, manches in conventioneller oder ächter Sitte und Moral Hergebrachte überschreiten zu dürfen (wodurch sie auch vom **Roman** und dem **Drama** sich bestimmt unterscheidet),...»

В этом фрагменте автор рассуждает о жанре новеллы, сравнивая его с жанрами романа и драмы. Преимущество новеллы он видит в том, что она способна преодолеть условности традиционной морали.

Маркерами КС-блока «рассуждения о жанре» служат:

1. прямые номинации упомянутых жанров: die Form der Novelle, der Roman, das Drama;
2. а также использование ассертивов-констативов, т.е. утвердительных высказываний, фиксирующих положение дел.

Рассмотрим, как данный КС-блок представлен в предисловиях к произведениям русских романтиков. В качестве примера приведем фрагмент из предисловия к роману Ф. В. Булгарина «Мазепа»:

«**Мнения** насчет романов **различны**. Многие любители чтения и даже некоторые литераторы, особенно у нас, в России, **требуют** от романа одной **занимательности происшествий** и думают, что сей **род словесности должен служить** только для **забавы**. Неоспоримо, что **занимательность** в романе вещь необходимая, **но** дело в том, что она должна быть только путеводительницею к **главной цели**, а **цель сия не должна быть** одною **забавою праздности**. **Роман должен служить** автору **средством или к развитию какой-либо философической идеи**, или к **освещению тайников сердца человеческого**, или к **пояснению характера исторического лица**. Так понимают роман отличнейшие современные писатели Англии и Франции, а потому даже мужи ученые, философы и политики не пренебрегают ныне сим родом словесности и не стыдятся писать и читать романы. Этого прежде не бывало».

В этом фрагменте автор рассуждает о жанре романа. Полемизируя с любителями развлекательных романов, он считает, что роман имеет право на существование только тогда, когда автор развивает в нем какую-то философскую идею, или исследует природу человеческих страстей, или же изображает в нем значительное историческое лицо.

Основными маркерами данного КС-блока являются:

1. название литературного жанра в форме прямой и косвенной номинаций: «роман», «род словесности»;
2. прямые номинации профессий, связанных с литературой: «литераторы», «автор», «писатели»;
3. лексемы, относящиеся к двум противопоставленным семантическим полям:
 - а) к семантическому полю со значением «занимательные романы»: «забава», «занимательность», «праздность»;
 - б) к семантическому полю со значением «полезные романы»: «философская идея», «тайники сердца человеческого», «характер исторического лица»;
4. модальность долженствования: «должен служить» (выражает представление автора об идейно-художественной функции жанра романа).
5. конструкция «должен служить», выражающая модальность долженствования (вводит рассуждение автора о жанровой специфике романа).

Таким образом, для данного КС- блока в немецкоязычном его варианте характерны следующие маркеры: названия литературных жанров в форме прямой и косвенной номинаций: die Novellen, die «wundervolle Märchenwelt» (косвенная номинация жанра сказки), die lyrische Poesie, das Drama, die Geschichten; прямые номинации профессий, связанных с литературой: die Dramaturgen, die Novellisten, die Kritiker; использование высказываний, относящихся к типу ассертивов-констативов (т.е. утверждений, фиксирующих положение дел) с включением персуазивных компонентов (т.е. относящихся к модальности достоверности), способствующих передачи авторской иронии: «die lyrische Poesie scheint nur noch von wenigen geheiligten Lippen tönen zu wollen», «vom alten Drama sind uns, sagt man, nur die Dramaturgen geblieben», «Gott und seine lieben Kritiker mögen wissen»; название двух кореферентных литературных жанров: трагедия и романтическая баллада («Tragödie oder dramatisierte Ballade»).

Маркеры данного КС-блока в русских предисловиях: название литературного жанра в форме прямой и косвенной номинаций: «роман», «род словесности»; »; прямые номинации профессий, связанных с литературой: «литераторы», «автор», «писатели»; лексемы, относящиеся к двум противопоставленным семантическим полям (к семантическому полю со значением «занимательные романы»: «забава», «занимательность», «праздность»; к семантическому полю со значением «полезные

романы»: «философская идея», «тайники сердца человеческого», «характер исторического лица»); Модальность долженствования: «должен служить» (выражает представление автора об идейно-художественной функции жанра романа).

Как показывает проведенный сопоставительный анализ немецко- и русскоязычные варианты этого КС-блока являются в целом сходными. Однако немецкоязычному варианту этого КС-блока свойственно большее разнообразие в формах речевого выражения, что связано с индивидуальным стилем немецких авторов.

11. КС-блок «характеристики языка повествования»

Основная функция данного КС-блока – познакомить читателя с языковыми особенностями основного текста, обосновать использование автором тех или иных языковых средств, способствующих воплощению художественно-эстетического замысла автора.

В качестве примера использования данного КС-блока приведем фрагмент из предисловия к роману А. А. Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга, повесть 1396 года»:

«Языком старался я приблизиться к простому настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок». [Бестужев-Марлинский. Роман и Ольга]

Содержание этого фрагмента сводится к объяснению стилевой установки автора, который ставил своей целью изобразить историческую эпоху XIV в. не только в ее обычаях и нравах, но и в языке. Исходя из этого, он и включил в язык своего повествования архаическую лексику, обращаясь к летописным и фольклорным источникам, народным песням и сказкам.

В приведенном фрагменте выделяется свойственная писателям романтического направления установка на утверждение ценности собственной истории (письменной и устной) как элемента национального самосознания. С этим и связана присутствующая здесь субъективно-оценочная модальность, характеризующая авторское отношение к отечественной истории (его заинтересованное обращение к «старинным летописям, песням, сказкам»). К тому же семантическому полю относятся и распространенная именная группа – «простой настоящий русский рассказ». Эти лексемы также окрашены субъективно-эмоциональной модальностью, т. к. для автора-романтика народный язык

обладает той же ценностной характеристикой, что и национальная история. Данный фрагмент предисловия входит в общую модальную рамку с положительной оценочностью. Задается эта модальная рамка еще в предшествующем КС-блоке («аргумент правдивости автора и договора о его праве на вымысел») этого предисловия, где выделяются маркеры исторического места, времени и содержания отдаленной эпохи («Русь XIV в.», «между половинами 1396 и 1398 годов», «исторические происшествия», «обычаи и нравы»).

Маркерами данного КС-блока служат:

1. лексемы с прямой номинацией: слова, язык;
2. лексема «странные» («странные слова»), которая передает качественную характеристику использованной автором архаической лексики;
3. глагольная конструкция «старался приблизиться», выраженная глаголом со значением «намерения» в сочетании с инфинитивом, с помощью которой вводится авторская интенция относительно стилевых особенностей своего произведения;
4. лексемы «летописи», «песни», «сказки», указывающие на источники лексических заимствований.

КС-блок «характеристики языка повествования» встречается только в предисловиях к произведениям русских авторов, в основном исторического жанра, и является их отличительной особенностью. Кроме того, этот КС-блок непременно присутствует и в предисловиях к романам с этнографической основой, например, в предисловиях к романам И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и «Камчадалка». Знакомя читателя с культурой, бытом и нравами народов Сибири, малоизвестного тогда края, он широко использовал в своих романах диалектизмы, местные пословицы и поговорки, о чем и сообщает в предисловиях.

12. КС-блок «коммуникативной ориентации»

КС-блок «коммуникативной ориентации» выполняет функцию информирования читателя о времени, месте опубликования текста и его авторстве. Автор называет временные координаты создания текста и называет себя читателю. Дата, которая указывается в этом блоке, является лексическим сигналом времени, абсолютным временным оператором [Матвеева 2006: 538]. Имя автора в этом КС-блоке потенциально соотносено с обозначением автора на титуле, а также кореферентно с местоименной *ich*-номинацией в других блоках предисловия и с авторизующими маркерами в структуре

основного текста [Нефедов 2014:42-43]. Состав этого КС-блока может быть вариативным: включать все три составляющих (время создания произведения, место и прямую номинацию автора), две (без указания авторства) или содержать только имя автора (иногда имя автора передается сокращенно, через инициалы). КС-блок «коммуникативной ориентации» всегда располагается в абсолютном конце предисловия и связан с заданием рамочной композиции текста предисловия (вместе с КС-блоком «заглавие»). В случае отсутствия этого блока, маркирование границы между предисловием и основным текстом выполняют графические средства – пробельная строка или «звездочки».

Текстовые функции КС-блока «коммуникативной ориентации»:

1. Композиционная граница – маркеры конца предисловия (между предисловием и текстом);
2. атрибуция автора (настоящего или вымышленного), выраженная прямой номинацией;
3. Функция определения места и времени (локация);

Маркерами данного блока являются:

1. Имя автора (настоящего или вымышленного) в форме прямой номинации: Кот Мурр, Рудый пасечник Панько, М. Н. Загоскин;
2. Пространственно-временные операторы;
Средство выражения: прямая номинация.

Приведем пример данного блока, где представлены все три его компонента – место, время, автор: «Geschrieben zu Paris im Frühjahr 1837 Heinrich Heine» [Heine Buch der Lieder]. Как правило, КС-блок «коммуникативной ориентации» содержит все три элемента.

Однако, попадаетея и сокращенный вариант этого блока, в котором не дается информации об авторстве: «Berlin im September 1820» [Hoffmann Mit 8 Kupfern nach Callotschen Originalblättern].

Другой вариант этого блока – «E.T.A. Hoffmann» [Hoffmann Haimatochare] или «d. H.» [Hoffmann Lebensansichten des Katers Murr].

Свободное отступление от канона данного КС-блока позволил себе Е. Т. А. Гофман, действуя от имени вымышленного автора – кота Мурра. К стандартизированной форме данного КС-блока он прибавил дополнительную автохарактеристику. Следуя этикетной традиции авторского самоумаления, он подписывается под предисловием для

печати, где дает себе соответствующее определение: «Murr (Etudiant en belles lettres)», которое по смыслу полностью расходится с его истинной самооценкой. Под предисловием *не предназначенным* для печати он подписывается уже как «Murr (Homme de lettres très renommé)». Ж. Женетт пишет о том, что автор, исходя из традиционной этикетности, не может сказать о себе, что он гений [Genette 1989: 192]. Но, если автором является кот Мурр, то он может себе это позволить (хотя и не для печати).

Аналогичная ситуация – количественная вариативность компонентов, составляющих этот КС-блок, характерна и для предисловий к произведениям русских романтиков. В этом КС-блоке может встречаться от одного до трех компонентов. В качестве примера приведем несколько вариативных типов данного КС-блока, встречающихся в русских предисловиях: «Николай Греч С.-Петербург, 25-го мая 1834» [Греч Черная женщина], «Мыза Карлова подле Дерпта. 18 августа 1829» [Булгарин Димитрий Самозванец], «Кн. В. Одоевский» [Одоевский 4338 год], «А. С. Пушкин» [Пушкин Путешествие в Арзрум], «12 февраля, 1828» [Пушкин Руслан и Людмила], «Пасичник Рудый Панько» [Гоголь Вечера на хуторе близ Диканьки]. Отличие заключается лишь в том, что данный КС-блок значительно реже встречается в предисловиях к произведениям русских романтиков. КС-блок «коммуникативной ориентации» не является обязательным компонентом коммуникативно-прагматической структуры авторского предисловия, так как функцию атрибуции автора и временного оператора берет на себя заголовочный комплекс, выполняющий основную информативно-ориентирующую роль.

Таким образом, типичными маркерами КС-блока «коммуникативной ориентации» как в немецких, так и в русских предисловиях являются пространственно-временные операторы, имя автора (настоящего или вымышленного), выраженные в форме прямой номинации.

* * *

Совокупность рассмотренных КС-блоков является отличительной структурно-семантической особенностью текстотипа предисловия к литературным текстам. При этом в каждом отдельном экземпляре данного текстотипа число используемых КС-блоков и их последовательность может заметно варьироваться. Сходные наблюдения сделал

С. Т. Нефедов в отношении текстотипа авторского предисловия к научной монографии [Нефедов 2013: 201].

Наиболее частотными из перечисленных КС-блоков являются следующие: «заглавие», КС-блок «адресации к публике», «снискания расположения читателя», «договора о правде и вымысле», «истории создания текста», «представления авторских интенций», «коммуникативной ориентации». Эти КС-блоки были наиболее регулярно используемы авторами конца XVIII–первой трети XIX в. По этой причине мы будем называть их *основными*. По-видимому, в качестве «основных» они осознавались авторами рассматриваемой эпохи, составляя основную часть их текстотипологического знания (Textsortenwissen) [Нефедов 2013: 201].

Остальные пять КС-блоков следует отнести к факультативным. К ним относятся: КС-блок «представления вымышленного автора и обстоятельств обретения издателем его текста», КС-блок, выполняющий функцию «пролога», КС-блок «исторического экскурса», КС-блок «рассуждения о жанре произведения», КС-блок «характеристики языка произведения».

Подобным образом различает постоянные и факультативные признаки того или иного текстотипа и В. Е. Чернявская, которая отмечает: «Тип текста существует в единстве как *инвариантных*, строго обязательных и постоянных признаков, так и *вариативных*, реализующихся не в каждом текстовом экземпляре» [Чернявская 2006: 35].

Противопоставление инвариантных и факультативных КС-блоков свойственно предисловиям, относящимся к текстам обеих ветвей романтической традиции – немецкой и русской. Причем некоторые из факультативных КС-блоков оказываются представленными только в текстах одной из этих традиций – либо немецкой, либо русской.

Раздел 2. Вариативность текстотипологической модели литературного предисловия в ее немецко- и русскоязычном вариантах.

Приведем таблицу, в которой сопоставлены два варианта текстотипологической модели предисловия: немецко- и русскоязычный.

Для каждого из вариантов в таблице приводится список, составляющих его КС-блоков. Здесь же указываются данные о частотности реализации КС-блоков в немецко- и русскоязычных вариантах. При этом ссылки на конкретные тексты в таблице не приводятся, поскольку нас интересует прежде всего регулярность реализации данного КС-блока в каждом из указанных вариантов. Очевидно, что именно совокупность КС-блоков и регулярность их употребления составляет своеобразие каждого из этих вариантов.

Полный список произведений немецких и русских авторов, предисловия к которым послужили материалом для нашего анализа, помещен в Приложении (после раздела «Заключение»).

Коммуникативно-смысловые блоки	Немецкие предисловия	Русские предисловия
1. «заглавие»	35	20
2. КС-блок «адресации к публике»	24	25
3. КС-блок «снискания расположения читателя»	10	12
4. КС-блок «договора о правде и вымысле»	15	9
5. КС-блок «истории создания текста»	16	11
6. КС-блок «представления авторских интенций»	12	15
7. КС-блок «представления вымышленного автора и обстоятельств обретения издателем его текста»	4	5
8. КС-блок, выполняющий функцию «пролога»	8	—

9. КС-блок «исторического экскурса»	6	10
10. КС-блок «рассуждения о жанре произведения»	7	4
11. КС-блок «характеристики языка произведения»	–	5
12. КС-блок «коммуникативной ориентации»	22	16

Как видно из таблицы, оба варианта, немецко- и русскоязычный, включают в себя по 11 КС-блоков из общей текстотипологической модели. Состав 7 основных (инвариантных) КС-блоков тождественен. В то же время состав факультативных КС-блоков в них несколько различается. Из 5 факультативных КС-блоков в каждом варианте реализовано только по 4 КС-блока. В немецкоязычном варианте отсутствует КС-блок «характеристики языка произведения», а в русскоязычном варианте – КС-блок, выполняющий функцию «пролога». Остальные 3 факультативных КС-блока («представления вымышленного автора и обстоятельств обретения издателем его текста», «исторического экскурса», «рассуждения о жанре произведения») встречаются в обоих этих вариантах.

В качестве комментария к таблице следует отметить, что в немецком варианте КС-блок «заглавие» встречается гораздо чаще – в 87,5%, в то время как в русских – в 59%. Этому соответствует и большее синонимическое разнообразие в номинации самого заглавия предисловия: в немецком используется 10 вариантов («Vorwort», «Vorrede», «Einleitung», «Prolog», «Vorwortlich», «Einleitend», «Einleitende Bemerkung», «Vorbemerkung», «Vorbericht», «kurze Vorerinnerung»), в то время как в русском – 6 («Предисловие», «Введение», «От автора», «Предупреждение», «Вместо введения», «Вместо предисловия»). Такое соотношение 6 к 10 объясняется присутствием в немецком языке большего количества слов с близким значением («Einleitend», «Vorwort», «Vorwortlich», «Vorrede», «Vorbericht»), чем в русском.

Аналогичные отличия наблюдаются и в других КС-блоках. Отметим наиболее существенные из них.

Как следует из сопоставительной таблицы, КС-блок «договора о правде и вымысле» в немецкоязычном варианте встречается несколько чаще, чем в русском (в 37,5 % против 26 %). Возможно, это связано с тем, что для немецких авторов тема достоверности повествования и утверждения «права на вымысел», по-видимому, была несколько более актуальной, чем для русских, которые писали на четверть века позже, когда «договор о правде и вымысле» стал уже превращаться в норму.

Как показывает сопоставление, КС-блок «истории создания текста» представлен в 16 немецких и 11 русских предисловиях (соответственно, в 40% против 32%). Очевидно, что тема «истории создания текста» была одинаково важна как для немецких, так и для русских романтиков, но немецкие авторы уделяли ей несколько большее внимание.

КС-блок «представления авторских интенций» содержится в 12 немецких и 15 русских предисловиях (соответственно, в 30 % против 44 %). Это свидетельствует, вероятно, о том, что немецкие авторы давали большую свободу читателям в самостоятельной интерпретации текста, тогда как русские авторы, эксплицируя свои интенции, старались направлять читателя по пути авторского истолкования текста.

Как следует из сопоставления, КС-блок «представления вымышленного автора» в целом имеет небольшой удельный вес по сравнению с другими КС-блоками, будучи представлен всего в 4 немецких и 5 русских предисловиях (соответственно, в 10 % против 14,5 %). Отметим, что русские авторы прибегают к использованию этого КС-блока несколько чаще, чем немецкие. Это объясняется отчасти тем, что русские романтики создавали свои произведения на 20 лет позже немецких и в большей степени испытали влияние традиции Вальтера Скотта.

КС-блок «рассуждения о жанре произведения» встречается в 7 немецких и 4 русских предисловиях (соответственно, в 17,5 % против 12 %). Более частое обращение к данной теме немецких авторов объясняется, очевидно, переходной литературной эпохой, в которой они писали. Поиски жанровой дефиниции, по мнению Ж. Женетта, свойственны обычно переходным эпохам – таким, как барокко или ранний романтизм, когда авторы стараются осмыслить отклонения созданных ими литературных форм от более ранних, чья авторитетность все еще имеет вес [Genette 1989: 217]. Русские же романтики создавали свои произведения спустя несколько десятилетий, когда основные жанровые признаки были уже определены европейскими романтиками.

Как показывает сопоставление, заключительный КС-блок «коммуникативной ориентации» встречается в 22 немецких и 16 русских предисловиях (соответственно, в 55 % против 48 %). Тот факт, что немецкие авторы прибегают к использованию этого КС-блока несколько чаще, чем русские, вероятно, связан с их большей педантичностью и следованиям жанровой норме.

Таким образом, как мы видим, немецко- и русскоязычные варианты в целом сходны; наиболее заметные их отличия связаны с отсутствием в немецкоязычном варианте КС-блока «характеристики языка произведения», а в русскоязычном – КС-блока, выполняющего функцию «пролога».

В то же время следует отметить, что вариативность текстотипологической модели проявляется не столько на уровне ее немецко- и русскоязычного вариантов, сколько на уровне отдельных экземпляров этой текстотипологической модели.

Это объясняется тем, что автор литературного предисловия гораздо более свободен, чем автор предисловия к научному тексту, что связано с принципом свободы литературного творчества. В случае же предисловий к научным текстам автор в гораздо большей степени ориентирован на текстотипологическую модель и на то, чтобы реализовать ее в конкретном экземпляре в полной мере.

ВЫВОДЫ ПО 2-Й ГЛАВЕ

Таким образом, во 2-ой главе на материале 74 текстов предисловий к текстам немецких и русских романтиков нами был всесторонне изучен тип текста авторского предисловия к литературному тексту: его структурные компоненты (КС-блоки), их функции и способы языкового выражения. Данное исследование позволило выделить следующие КС-блоки, составляющие основу текстотипологической модели литературного предисловия конца XVIII–первой трети XIX века: 1) заглавие; 2) блок «адресации к публике»; 3) блок «снискания расположения читателя»; 4) блок «договора о правде и вымысле»; 5) блок «истории создания текста»; 6) блок «представления авторских интенций»; 7) блок «представления вымышленного автора и обстоятельств обретения издателем его текста»; 8) блок, выполняющий функцию «пролога»; 9) блок «исторического

экскурса»; 10) блок «рассуждения о жанре произведения»; 11) блок «характеристики языка произведения»; 12) блок «коммуникативной ориентации».

Первые шесть и последний из указанных КС-блоков являются основными, или инвариантными; они присутствуют в большинстве экземпляров данного текстотипа и составляют основу идеальной текстотипологической модели «литературного предисловия». Остальные шесть КС-блоков (с 7 по 11) являются факультативными. Некоторые из них (например, КС-блок «исторического экскурса») обеспечивают интертекстуальное взаимодействие предисловия с «паратекстами» к его основному тексту, а также с другими, внешними по отношению к нему, текстами.

Совокупность указанных КС-блоков является отличительной структурной особенностью текста литературного предисловия. При этом в каждом отдельном экземпляре текстотипа предисловия число и их последовательность их может варьироваться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует отметить, что предисловия к литературным произведениям не были до сих пор предметом отдельного текстотипологического исследования. Наше исследование является первым опытом в этом роде. Однако и до нас в этом направлении было сделано достаточно много. В частности, благодаря работам И. Р. Гальперина, Е. А. Баженовой и С. Т. Нефедова был всесторонне изучен тип текста предисловия к научной монографии: установлена его общая паратекстовая функция (вспомогательно-ориентационная) и ряд более частных функций, исследованы характерные признаки, выявлены коммуникативно-смысловые блоки и построена идеальная прототипическая модель. Нам оставалось лишь применить уже разработанную методику исследования для анализа другого варианта текстотипа «предисловия» – предисловия к литературному тексту, впрочем, несравненно более сложного.

В 1-й главе нами были освящены теоретические вопросы, относящиеся к типологии текста литературного предисловия. Были рассмотрены понятия «типа текста», используемого в современной немецкой и отечественной лингвистике, а также «речевого жанра» – понятия, которому отдают предпочтение представители Пермской научной школы. Кроме того, была проанализирована проблема членения семантической структуры текста, в результате чего в качестве основной структурной единицы анализа было принято понятие «коммуникативного блока» (или, точнее, его модификация «коммуникативно-смысловой блок», предложенная С. Т. Нефедовым). Как было отмечено в той же главе, понятие «коммуникативный блок», по мнению Е. А. Крижановской, может быть использовано не только по отношению к научным текстам, но «и для анализа произведений других функциональных стилей» [Крижановская 2006: 165; 27]. В частности, оно больше соответствует коммуникативно-функциональному подходу, положенному в основу нашего исследования.

В 1-й главе нами была рассмотрена история изучения текстотипа «предисловия» в отечественной науке: в монографиях И. Р. Гальперина, Е. А. Баженовой, а также учеными Санкт-Петербургского университета (С. Т. Нефедовым, Л. Н. Григорьевой, И. А. Вороновской, Н. В. Понамаревой). Особое внимание в нашей работе было уделено анализу трех глав книги Жерара Женетта «Паратексты», посвященных анализу предисловия как одного из «паратекстов». В целом книга Ж. Женетта послужила важнейшим теоретическим основанием для нашего исследования. Но поскольку она оказалась практически не известной отечественным исследователям (если не считать «Введения», из которого

большинство исследователей приводят цитаты о «паратекстах»), нам предстало целесообразным посвятить отдельный раздел 1-й главы комментированному пересказу трех ее глав, посвященных анализу текстовых функций предисловия. Помимо этого, нами был дан анализ нескольких плодотворных идей, содержащихся в монографии О. Г. Лазареску, посвященной истории и поэтике жанра предисловия в русской литературе XVIII–XIX вв. В конечном счете, знакомство с методами Ж. Женетта и О.Г.Лазареску позволило нам установить ряд функций литературных предисловий, выявленных этими исследователями. Но в целом в нашей работе были использованы традиционные методы исследования типов текста, разработанные в классическом исследовании К. Бринкнера, в основе которых лежит изучение текстовой функции и тематического ядра текста [Brinker 1992: 77, 144].

В заключительной части 1-й главы и в основной части 2-й нами были представлены результаты нашего исследования смысловой структуры текстотипа литературного предисловия, выполненного на материале 74 немецко- и русскоязычных текстов. Нами было выделено 12 коммуникативно-смысловых блоков, составляющих идеальную текстотипологическую модель литературного предисловия эпохи романтизма. К ним относятся: 1) заглавие; 2) блок «адресации к публике»; 3) блок «спуска расположения читателя»; 4) блок «договора о правде и вымысле»; 5) блок «истории создания текста»; 6) блок «представления авторских интенций»; 7) блок «представления вымышленного автора и обстоятельств обретения издателем его текста»; 8) блок, выполняющий функцию «пролога»; 9) блок «исторического экскурса»; 10) блок «рассуждения о жанре произведения»; 11) блок «характеристики языка произведения»; 12)) блок «коммуникативной ориентации».

В зависимости от регулярности реализации этих КС-блоков в конкретных экземплярах мы отнесли одни из них к основным компонентам инвариантной модели, а другие – к факультативным. К основным КС-блокам относятся первые шесть блоков из приведенного выше списка и последний в общем ряду блок «коммуникативной ориентации». Остальные пять КС-блоков (с 7-го по 11-й) являются факультативными.

Для каждого из перечисленных выше КС-блоков была определена его специфическая текстовая функция, выполнен подробный анализ его семантической структуры и средств ее лингвистического выражения. Особое внимание уделено

выделению характерных языковых маркеров для каждого КС-блока (лексических, субъективно-оценочной модальности и т.п.).

Как показало сопоставление немецко- и русскоязычных текстов, не все из перечисленных блоков были реализованы в немецкой и русской традициях. В немецкой не встречается, например, блок «характеристики автором языка произведения», в русской – отсутствует КС-блок с функцией «пролога к основному тексту».

Как показало проведенное выше исследование, предисловие не является обязательным компонентом литературных произведений – в отличие, например, от предисловий к научным монографиям, где они встречаются достаточно регулярно (согласно исследованию С. Т. Нефедова, предисловия встречаются в 88% случаев). Что же касается предисловий к литературным текстам, то здесь картина совсем иная. Большинство авторов (как немецких, так и русских) обходятся без предисловий. В целом предисловия к литературным произведениям немецких и русских авторов конца XVIII–первой трети XIX в. встречаются примерно в 20 % случаев.

Вслед за О. Г. Лазареску, в целом, следует отметить, что идеальная текстотипологическая модель литературного предисловия является исторически подвижной формой и достаточно свободной от регламентированности. Инвариантная структура этой модели характеризуется свободой от «заданности», что существенно отличает текстотип литературного предисловия от предисловия к научному тексту.

Поэтому перспективным для дальнейшего исследования проанализированного в данной работе типа текста является сравнение предисловий к литературным произведениям других литературных эпох и направлений, что позволило бы выстроить цельную систему развития данного паратекста в динамике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕМЕЦКИХ АВТОРОВ, ПРЕДИСЛОВИЯ КОТОРЫХ
ПОСЛУЖИЛИ МАТЕРИАЛОМ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
(тексты взяты на сайте Projekt Gutenberg-DE: <http://gutenberg.spiegel.de/>)

Achim von Arnim:

1. Hollin's Liebeleben (1802) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/hollins-liebeleben-2393/1>

Adelbert von Chamisso:

2. Reise um die Welt in den Jahren 1815-1818 (1836) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/reise-um-die-welt-762/2>

Brüder Grimm:

3. Irische Elfenmärchen (1826) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/irische-elfenmarchen-755/2>

Christian Dietrich Grabbe:

4. Herzog Theodor von Gothland (1822) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/herzog-theodor-von-gothland-3513/2>
5. Scherz, Satire, Ironie und tiefere Bedeutung (1827) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/scherz-satire-ironie-und-tiefere-bedeutung-3514/1>

Clemens Brentano:

6. Aus der Chronika eines fahrenden Schülers (1802-1806) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-356/1>

E.T.A. Hoffmann:

7. Die Elixiere des Teufels (1815/16) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-elixiere-des-teufels-3112/1>
8. Die Serapionsbrüder (1819-1821) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-serapions-bruder-3106/2>
9. Haimatochare (1819) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/haimatochare-3082/1>

10. Lebensansichten des Katers Murr (1819) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/lebensansichten-des-katers-murr-3095/2>
11. Letzte Stücke (1821) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/letzte-stuecke-3080/2>
12. Prinzessin Brambilla (1820) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/prinzessin-brambilla-3105/1>
13. Seltsame Leiden eines Theaterdirektors (1819) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/seltsame-leiden-eines-theaterdirektors-3109/1>

Friedrich Hölderlin:

14. Hyperion oder der Eremit in Griechenland (1797) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/hyperion-264/2>

Friedrich Schlegel:

15. Lucinde (1799) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/lucinde-2481/1>

Heinrich Heine:

16. Atta Troll (1841) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/atta-troll-5940/2>
17. Buch der Lieder (1827) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/buch-der-lieder-6673/2>
18. Deutschland. Ein Wintermärchen (1844) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-383/1>
19. Der Doktor Faust (1846) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-doktor-faust-375/1>
20. Die Göttin Diana (1846) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-394/1>
21. Die romantische Schule (1833) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-romantische-schule-367/1>
22. Französische Zustände (1831/32) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-387/1>
23. William Ratcliff (1822) <http://www.zeno.org/Literatur/M/Heine,+Heinrich/Dramen/William+Ratcliff/Vorrede>
24. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland (1834) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/zur-geschichte-der-religion-und-philosophie-in-deutschland-378/1>

Ludwig Tieck:

25. Die Geschichte von den Haimonskindern (1796) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-geschichte-von-den-haimonskindern-5499/1>
26. Denkwürdige Geschichtschonik der Schildbürger (1796) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/denkwuerdige-geschichtschonik-der-schildburger-7166/2>
27. Der Aufruhr in den Cevennen (1820) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-aufruhr-in-den-cevennen-5468/2>
28. Der Fremde (1796) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-fremde-7521/1>

29. Der junge Tischlermeister (1836) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/der-junge-tischlermeister-7519/2>
30. Liebesgeschichte der schönen Magelone und des Grafen Peter von Provence (1797) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-schoene-magelone-5484/1>
31. Die Vogelscheuche (1834) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/die-vogelscheuche-7419/2>
32. Eine Sommerreise (1833) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/eine-sommerreise-7236/2>
33. Peter Lebrecht (1795) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/peter-lebrecht-5460/1>
34. Victoria Accorombona (1840) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/victoria-accorombona-5475/1>
35. Franz Sternbalds Wanderungen (1798) <https://www.offenesbuch.com/g168965>

Wilhelm Hauff:

36. Lichtenstein (1826) <http://www.zeno.org/Literatur/M/Hauff,+Wilhelm/Romane/Lichtenstein/Erster+Teil/Einleitung#fn2ref>
37. Novellen (1825) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/novellen-3782/2>

Wilhelm Heinrich Wackenroder:

38. Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders (1796) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/herzensergiessungen-eines-kunstliebenden-klosterbruders-1916/2>
39. Phantasien über die Kunst (1799) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-1917/1>

Willibald Alexis:

40. Walladmor (1824) <http://gutenberg.spiegel.de/buch/walladmor-4834/2>

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ АВТОРОВ, ПРЕДИСЛОВИЯ КОТОРЫХ
ПОСЛУЖИЛИ МАТЕРИАЛОМ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Баратынский Е. А. Эда, финляндская повесть (1826) // Баратынский Е. А. Полн. Собр. соч. 1988. Т. 6. С. 125–136.
2. Белинский В. Г. Дмитрий Калинин (1830) // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 437-533.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Роман и Ольга, повесть 1396 года (1823) // Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 80–104.
4. Бестужев-Марлинский А. А. Замок Нейгаузен. Рыцарская повесть (1824) // Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 150–175.
5. Бестужев-Марлинский А. А. Кровь за кровь (1825) // Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 49–63.
6. Булгарин Ф. В. Димитрий Самозванец (1829). М., 1994.
7. Булгарин Ф. В. Мазепа (1833). М., 2016.
8. Вельтман А. Ф. Странник (1832). М., 1978.
9. Вяземский П. А. Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова (1823). М., 2013.
10. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831) // Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 т. М., 1976. Т. 1. С. 9–270.
11. Глинка Ф. Н. Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой (1830) // Глинка Ф. Н. Сочинения. М., 1986. С. 131-177.

12. Глинка Ф. Н. Дева карельских лесов. Повесть в стихах // Русская романтическая поэма. М., 1985.
13. Греч Н. И. Черная женщина (1834) // Три старинных романа. В 2 кн. М., 1990. Кн. 2. С. 35-122.
14. Жуковский В. А. Шильонский узник: повесть (1822) // Жуковский В. А. Собр. соч. в 4-х тт. Л., 1959. Т. 2. С. 269–281.
15. Загоскин М. Н. Аскольдова могила (1833). М., 1989.
16. Загоскин М.Н. Рославлев или русские в 1812 году (1831). М., 1980.
17. Калашников И. Т. Дочь купца Жолобова (1831). Иркутск, 1985.
18. Калашников И. Т. Камчадалка (1833). М., 2012.
19. Калашников И. Т. Изгнанники (1834) // Восточная Сибирь в ранней художественной прозе. Иркутск, 1938.
20. Корнилович А. О. Утро вечера мудренее. (Исторический рассказ) (1828) // Сочинения. Письма. М., 1957. С. 7–24. (Серия «Литературные памятники»).
21. Кукольник Н. В. Антонио (1843) // Русская романтическая новелла. М., 1989. С.230–245.
22. Кюхельбекер В. К. Ижорский (1835) // Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 2. С. 747–751.
23. Лажечников И. И. Последний Новик (1833) // Лажечников И.И. Сочинения. В 2-х тт. М., 1987. Т. 1. С. 105–234.
24. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 1983. С. 647–764.
25. Масальский К. П. Стрельцы (1832) // Масальский К. П. Стрельцы. М., 1994.
26. Одоевский В. Ф. 4338-й год. Петербургские письма. (1835) // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М., 1959.
27. Одоевский В. Ф. Пестрые сказки (1833) // Одоевский В. Ф. Пестрые сказки. СПб., 1996 (Серия «Литературные памятники»).
28. Одоевский В. Ф. Русские ночи (1843). М., 1975.
29. Погодин М. П. Нищий (1826) // Русские повести XIX века 20-30-х годов. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 270–278.
30. Погорельский А. Монастырка (1833) // Погорельский А. Избранное. М., 1988. С. 57–98.
31. Полевой Н. А. Клятва при гробе Господнем (1832). М., 1994.

32. Полевой Н. Мешок с золотом (1829) // Полевой Н. Избранные произведения и письма. Л., 1986. С. 89–119.
33. Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум (1829) // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М., 1960. Т. 5. С. 412–462.
34. Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина (1830) // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. М., 1957. Т. 6. С. 79-170.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Е. А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2: Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 1. Пермь, 1996. С. 158–235.
2. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.
3. Баженова Е. А. Композиция (текста) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 168–173.
4. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Смысловая структура (смысл) текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 388–392.
5. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Текст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 528–533.
6. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Пермская научная школа функциональной стилистики // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 2 (34). С. 140–148.
7. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов на Дону, 1993. – 182 с.
8. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. М., 2004.
9. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.

10. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: Прагмалингвистический аспект. Автореферат диссертации ... доктора филол. наук. Иркутск, 2001.
11. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
12. Вороновская И. А. Авторское предисловие: функции и структура (на материале немецкоязычных монографий по лингвистике // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV: Текст и текстовые единицы. СПб., 2014. С. 9–19.
13. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е. М., 2006.
14. Григорьева Л. Н. Сопоставительный анализ предисловий к немецким и русским грамматикам XVIII века // Материалы XLIV Международной филологической конференции. 14–18 марта 2016 г., Санкт-Петербург. СПб, 2016. С. 44–49.
15. Данилевская Н. В. Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 216–221.
16. Женетт Ж. Посвящения / Перевод, вступительная заметка и примечания Л. Семеновой // Антропология культуры. М., 2004. Вып. 2. С. 187–216.
17. Кожина М. Н. Соотношение стилистики текста со смежными дисциплинами // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2, ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь. 1996. С. 11–44.
18. Кожина М. Н. Понятие «текст» и «целый текст» (в аспекте стилистики текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2, ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь. 1996. С. 44–73.
19. Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Пермь, 2002.
20. Кожина М. Н. Речевая системность функционального стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М, 2006. С. 347–350.
21. Короленко О.И., Викулова Л.Г. Языковые средства самопрезентации автора в авторских предисловиях французских художественных произведений XVII–XX веков // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/04/6375>

22. Котюрова М. П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Т. 2, ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь. 1996. С.341–370.
23. Котюрова М. П. Членимость (текста) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006. С. 617–621.
24. Котюрова М. П., Крижановская Е. М. Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Актуальные вопросы русской филологии и методики ее преподавания. Сыктывкар, 1993.
25. Крижановская Е. М. Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. / Под ред. М. Н. Кожинной: В 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1996. Ч. 1. С. 323–340.
26. Крижановская Е. М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста / Диссертация ... кандидата филологических наук. Пермь, 2000.
27. Крижановская Е. М. Коммуникативный блок // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М, 2006. С. 163–167.
28. Ламзина А. В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 848–853.
29. Лазареску О. Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII - XIX вв.). М., 2007.
30. Лазареску О. Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII-XIX вв.) / Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. М., 2008.
31. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.
32. Матвеева Т. В. Текстовое время (темпоральность) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М, 2006. С. 536–539.
33. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение). Улан-Уде, 1974.

34. Нефедов С. Т. Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // Вестник С.Петербург. университета. Серия 9. Вып. 3. 2013. С. 198–204.
35. Нефедов С. Т. Интертекстуальные измерения авторского предисловия // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV: Текст и текстовые единицы. СПб., 2014. С. 32–48.
36. Понамарева Н. В. Субъектно-адресатные отношения в раннем немецком прозаическом романе (на материале предисловий) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 27–33.
37. Понамарева Н. В. Коммуникативно-прагматические особенности немецкого прозаического романа XV–XVI вв. / Диссертация ... канд. филологических наук. СПб., 2016.
38. Романова Н. Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 1997.
39. Салимовский В. А. Смысловая структура научного текста в отношении к дотекстовым единицам // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2, ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь. 1996. С.112–142.
40. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.
41. Салимовский В. А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М, 2006. С. 352–354.
42. Сыроватская Н.С. Риторическая авторизация и формы ее выражения в журналистских текстах аналитического типа (на материале современного немецкого языка) // Автореферат кандидатской диссертации. СПб, 2009.
43. Филиппов К. А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб., 2003.
44. Чернигова И.В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI – XVII веков (на материале авторских и

- издательских предисловий). Автореферат диссертации канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
45. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. Изд. 3-е М., 2006.
46. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.
47. Штайн К. Э. Культурное достояние России: Пермская научная школа функциональной стилистики // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь, 2004. С. 5–28.
48. Якубович Д. Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта // Пушкин в мировой литературе. М., 1926. С. 160–187.
49. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1994.
50. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin. 3. Aufl. 1992.
51. Brinkmann, H. Der Prolog im Mittelalter als literarische Erscheinung: Bau und Aussage // Wirkendes Wort. 1964. Bd. 14. S. 1–21.
52. Ermert K. Briefsorten. Untersuchung zu Theorie und Empirie der Textklassifikation. Max Niemeyer Verlag. Tübingen 1979.
53. Fix U. Text und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Frank & Timme GmbH, Berlin. 2008.
54. Genette, Gérard. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Mit einem Vorwort von Harald Weinrich. Aus dem Französischen von Dieter Hornig. Frankfurt; New York; Paris, 1989.
55. Genette, Gérard. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
56. Glück, Helmut. Metzler Lexikon Sprache, 1993.
57. Bußmann, Hadumod (Hrsg.). Lexikon der Sprachwissenschaft. 4. Aufl. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag 2008. S. 304–305.
58. Krause, Wolf-Dieter (Hrsg.): Textsorten. Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte. Frankfurt/M. et al.: Peter Lang 2000.
59. Timm Christian. Das Vorwort – eine «Textsorte-in-Relation» // Fachliche Textsorten: Komponenten – Relationen – Strategien / Kalverkämpfer H., Baumann K.D. (Hrsg.). Tübingen: Narr, 1996, 458-467.

60. Voßschmidt L. Das Vorwort und seine Funktionen in Übersetzungen literarischer Texte – Überlegungen am Beispiel der Übersetzungen des Finnischen Epos Kalevala // Kaannosteoria, ammattikielet ja monikielisyys. VAKKI: n julkaisut. № 35. Vaasa, 2008. P. 315–325.
61. Van Dijk, T. A. The Study of Discourse: an Introduction // Discourse Studies. 5 vols. Sage Benchmarks in Discourse Studies. London, 2007. P. XIX-XLII.
62. Wirth U. Das Vorwort als performative, paratextuelle und parergonale Rahmung // Fohrmann J. (Hrsg.). Rhetorik: Figuration und Performanz. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2004. S. 603–628.